

Космос

5
МАЙ
1961

Космос

5
МАЙ

1961

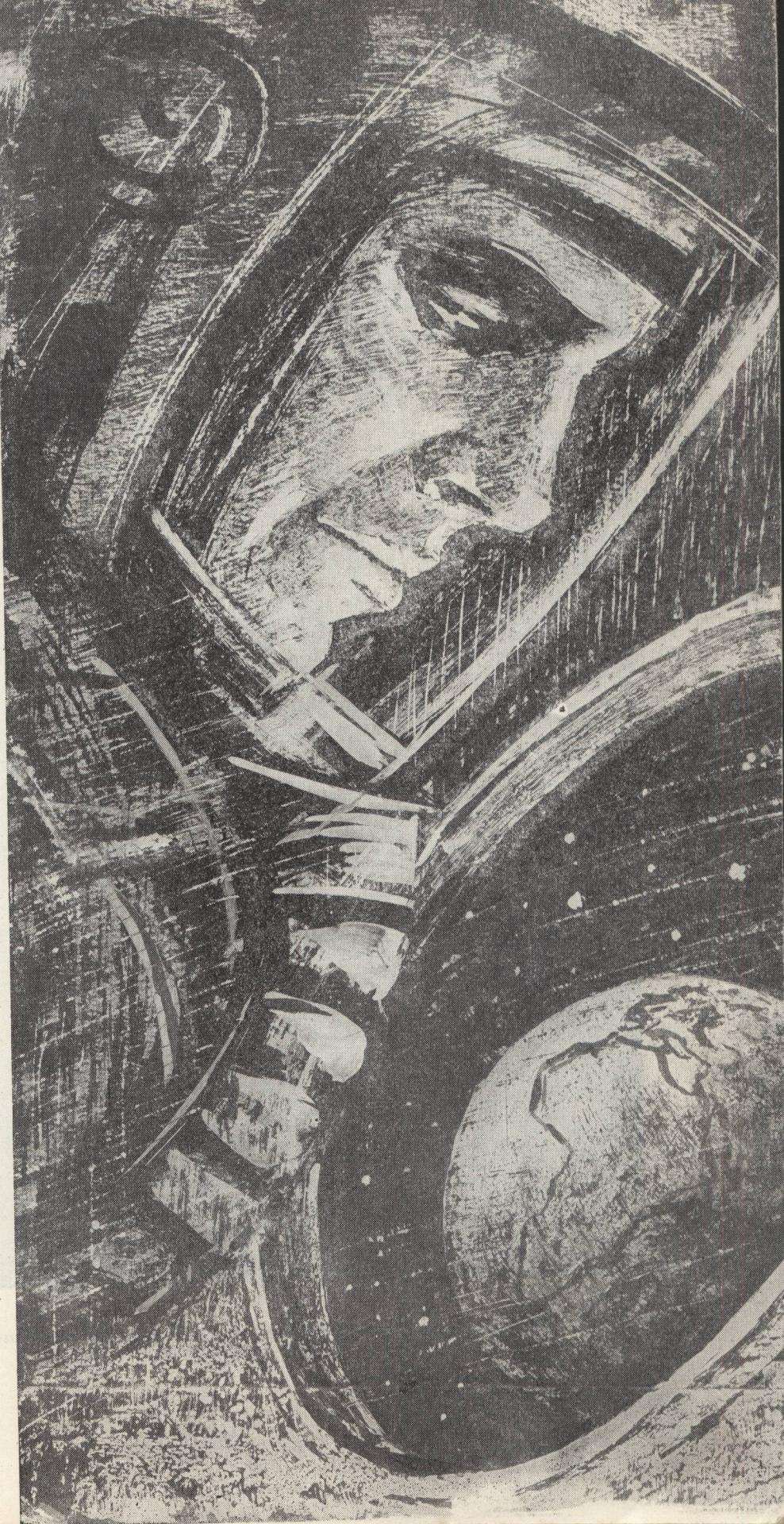
Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

*Друзья,
сограждане,
земляне —
все,
кто вблизи,
все,
кто вдали,
свершилось!*

*В звездном океане
проплыл он,
первый сын Земли!*

На обложке рисунок Ю. Данилова
На 2-й стр. обложки фото
Н. Маторина

На титуле рисунок Н. Кустова

*Герой Советского Союза, первый летчик-космонавт СССР
Юрий Алексеевич Гагарин*

12 АПРЕЛЯ 1961 г. В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ВЫВЕДЕН НА ОРБИТУ ВОКРУГ ЗЕМЛИ ПЕРВЫЙ В МИРЕ КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ-СПУТНИК «ВОСТОК» С ЧЕЛОВЕКОМ НА БОРТУ.

ПИЛОТОМ-КОСМОНАВТОМ КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ-СПУТНИКА «ВОСТОК» ЯВЛЯЕТСЯ ГРАЖДАНИН СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК ЛЕТЧИК МАЙОР Г А Г А Р И Н ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ.

СЛУШАЙ, ЗЕМЛЯ!

«Наблюдаю Землю. Видимость хорошая. Слышу вас отлично».

«Полет продолжается хорошо. Наблюдаю Землю. Видимость хорошая... Видеть можно все. Некоторое пространство покрыто кучевой облачностью».

«Полет продолжаю. Все нормально. Все работает отлично. Все отлично работает. Иду дальше».

«Самочувствие хорошее. Настроение бодрое. Продолжаю полет. Все идет хорошо. Машина работает нормально».

* * *

«Прошу доложить партии и правительству и лично Никите Сергеевичу Хрущеву, что приземление прошло нормально, чувствую себя хорошо, травм и ушибов не имею».

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПОЛЕТА ЧЕЛОВЕКА В КОСМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ОТКРЫВАЕТ ГРАНДИОЗНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ПОКОРЕНИЯ КОСМОСА ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ.

Мужчинский день

Н. Печерский

Рисунки Н. Носкович

Дежурная по классу Светка Ложкарева пошла на перемене к Диме Королькову и сказала, чтобы он бросал свою книжку и убрался вон.

Димка заткнул уши пальцами и продолжал читать.

— Катись сейчас же! — крикнула Ложкарева и замахнулась на Димку тряпкой.

Читать книжку, когда у тебя над душой стоит девчонка и размахивает мокрой тряпкой, невозможно.

Димка грохнул крышкой парты и вышел из класса.

При всем при этом Димка ругнул Ложкареву, сказал, что теперь ей не поздоровится и так далее и тому подобное.

Возле дверей Димка увидел Вовку Сорокина,

которого все в классе называли пухлятиной.

Ложкарева еще раньше его выкурила. Вовка даже не успел захватить сверток с пирожками и двумя мандаринами, которые

мать давала ему, чтобы у него не развилось малокровие.

Вовка щелкал зубами от голода и злости на Ложкареву.

Если бы существовал такой аппарат и этим аппаратом заглянуть в душу Вовки, можно было бы увидеть там сплошное черное пятно.

Вовка с тоской думал о пирожках, мандаринах и о том, что теперь у него наверняка разовьется малокровие и его не возьмут ни в авиацию, ни во флот, ни в пехоту. Кому там нужны малокровные!

— Чего стоишь? — спросил Вовку Димка.

Вовка надул свои толстые щеки, посмотрел на закрытую дверь класса и сказал:

— Я ее все равно убую!

Но тут Вовка, конечно, перегнул. Вовка был трусливым человеком, и его при случае колотил кто попало, даже первоклассники.

Димка не стал напоминать Вовке про эту слабость. Какой-никакой, а сейчас Вовка был союзник.

— Мы ей зададим перцу, — сказал Димка. — Она еще узнает!

Союзники прошлись по коридору, пошептались, а потом остановились и стали дергать дверь за ручку и колотить по ней коленками.

— Открывай! — кричал Димка.

— Откр-р-ывай! — захлебываясь от злости Вовка.

За дверью, которую заложили с той стороны шваброй, сначала все было тихо, а потом послышался какой-то ужасный топот. Казалось, по дикой прерии мчалось стадо бизонов.

Но это были, конечно не бизоны, а девчонки, которых напустила в класс Светка Ложкарева.

Стадо подбежало к двери и хором крикнуло: — Нельзя, мы делаем уборку!

Говорят, у людей есть какая-то чаша терпения, и если она переполнится, тогда берегись!

У Димки и Вовки тоже были чаши, и из этих чаш фонтаном брызгали злость и ядовитые слова.

Именно в это время по коридору шел дежурный с красной повязкой на рукаве.

Дежурный увидел, что два приличных молодых человека колотят по двери, взял их за плечи и басом спросил:

— Вы что делаете, разбойники?
Дежурный выслушал сбивчивый рассказ Димки и Вовки, кивнул головой, а потом, неизвестно зачем, записал их фамилии в записную книжку.

После этой истории Димке и Вовке как-то сразу расхотелось колотить коленками по двери и произносить ядовитые слова.

Они отошли в сторонку и стали вспоминать, из-за чего и как все это получилось.

И тут они, конечно, вспомнили, что виновата во всем Светка Ложкарева и вообще все девчонки.

И зачем только их придумали, этих девчонок!

— Давай с ними никогда не водиться, — предложил Вовка, — ни вообще, ни в классе.

— Без звона?

— Конечно, без звона. Я, знаешь, какой!

Вовка скривил свою пухлую физиономию и заскрипел зубами, как настоящий пират.

Димка знал, какой на самом деле Вовка, но он снова промолчал, потому что Вовка был сейчас союзником.

Пираты договорились, что пойдут сегодня домой не по Ленинской, а по Садовой, где жила Светка. Они поймают там Ложкареву и вздуют ее за все проделки.

— Мы ей покажем, где раки зимуют! — сказал Димка.

— Покажем! — повторил Вовка.

В коридоре, разбрызгивая синие искры, затрещал электрический звонок.

Заговорщики ударили по рукам и пошли в класс.

Этот день, когда приятели дали друг другу клятву не водиться с девчонками и поколотить в четыре кулака Светку Ложкареву, был какой-то особенный.

Новости неожиданности подстерегали их на каждом шагу.

Только Димка и Вовка вошли в класс, — первая новость.

На Димкиной парте, поблескивая коричневой обложкой, лежала чья-то новенькая общая тетрадь и прекрасная, тоже абсолютно новенькая автоматическая ручка.

Сначала Димка растерялся, но потом быстро взял себя в руки и понял, что к чему.

Автоматическую ручку и тетрадку подложила с коварной целью Светка Ложкарева.

Не с неба же они свалились! Как хотите, но это и дураку ясно.

Светка просто-напросто хочет его купить. Только он спрячет все это добро в портфель,

только шелкнет замками, а Светка уже тут как тут.

— Товарищи-граждане! Димка забрал чужую ручку и чужую тетрадку. Вяжите его! Ну до чего все-таки подлый человек эта Светка. Вон до чего додумалась!

Димка нахмурился, как ворона перед дождем, и решительно отодвинул от себя тетрадку и ручку.

Но что это? Точно такая же тетрадка и ручка лежали и возле Вовки Сорокина.

Вовка заслонился от Димки рукой, но Димка все равно увидел, что Вовка уже успел написать на тетрадке свое имя и свою фамилию. Вот тебе и союзник!

Димка нахмурился еще больше и зловещим шепотом спросил:

— Ты что делаешь?

Застигнутый на месте преступления, Вовка сначала побелел, как стенка, а потом начал краснеть и стал вдруг удивительно похож на вареную свеклу.

— У-у-у-у! — сказал Димка. И в этом «у-у-у-у» было все: и презрение к алчному другу, и осуждение вероломства, и угроза.

Вовка из красного стал синим, потом оранжевым, потом серо-зеленым.

Но Димке ни капельки не было жаль Вовку. Наоборот, ему захотелось сказать Вовке такое, чтобы Вовка сразу стал серо-буро-малиновым.

Димка начал подбирать подходящие слова. Он посмотрел в потолок, обвел блуждающим взором класс и тут замер от удивления и неожиданности. На партах перед мальчишками лежали точно такие, как у него и у Вовки, тетрадки и автоматические ручки.

Вовка тоже увидел тетрадки и ручки. Он ткнул приятеля в бок и зашептал:

— Ты видишь? Ага... А ты говоришь!

Да, случилось что-то странное и загадочное. Как Димка ни ломал себе голову, как ни хмурил брови, но так ничего и не придумал. Было ясно только одно — Светка Ложкарева тут ни при чем.

Не могла же Ложкарева мстить всем мальчишкам сразу. На такую месть никаких денег не хватит. Хоть целый год копи.

Не прояснился горизонт и на перемене. Мальчишки косяками ходили по коридору, спорили, размахивали руками и — только. Даже Изя Кацнельсон, который безошибочно угадывал время без часов и вообще знал решительно все на свете, не внес ясности в запутанный вопрос.

Но что тут Изя. Тут позови самого лучшего профессора с ассистентами, и тот станет втупик.

Димка тоже ходил с Вовкой по коридору и тоже горячился и размахивал руками. Нет, никто не мог подобрать ключика к тайне.

И только уже перед самым звонком на последний урок Вовка вдруг остановился посреди коридора и шлепнул себя ладонью по лбу.

Шлепнул и сказал:

— Мы с тобой дураки!

— Ты потише, — заметил Димка. — Ты за других не расписывайся.

— В самом деле дураки, — повторил Вовка. — Ты посмотри туда.

Димка посмотрел туда, куда указывал Вовка.

В самом конце коридора возле актового зала висел большой кумачовый плакат, и на этом плакате большими белыми буквами было написано:

«СЛАВА ДОБЛЕСТНЫМ СОВЕТСКИМ ВОИНАМ!»

Ну, и что ж тут такого? Димка и без плаката знал, что сегодня день Победы.

Утром отец Димки уходил на работу и надел все свои ордена — и Красное Знамя, и Звезду, и серебряный солдатский орден Славы.

Димка еще тогда узнал, что у отца и вообще у всех советских людей сегодня праздник.

Но Димка все-таки не понимал, причем тут День Победы и причем тут тетрадки и ручки.

А быть дураком Димка не хотел. Он стоял посреди коридора и делал вид, что ему все давно понятно, только он не хочет говорить о таких пустяках.

— Ну что, дошло, наконец? — спросил Вовка. — Теперь понял? Я раньше всех понял, что это они нам сюрприз сделали.

— Тоже загнул! Так они и сделают сюрприз. Держи карман шире!

— Ничего я не загнул, — упрямо сказал Вовка. — Ты сам загнул. Сегодня наш мужчинский день. Раз мы мужчины, значит, мы тоже будем солдатами и будем всех защищать и женщин тоже.

Вовка был большим фантазером и порой отливал такие пули, что все за голову брались.

Но сейчас в словах Вовки было что-то похожее на правду.

В коридоре снова затрещал звонок, и все повалили в класс слушать про древних римлян и про то, какая была у них империя.

Но историчка Ольга Александровна про римлян начала не сразу.

Ольга Александровна сначала рассказала про войну с фашистами, про славный день Победы и, конечно, про памятник советскому солдату в Берлине.

И, казалось, все видели перед собой этого солдата с маленькой немецкой девочкой на руках.

В классе было очень тихо. Только слышалось порой, как вздыхала Тоня Капустина, которая сидела за первой партой.

Ложкарева то и дело оборачивалась и поглядывала на Димку.

Димка примерно догадывался, о чем говорил ее взгляд.

«Мы к тебе вот как относимся, а ты к нам вот как... Сегодня ты хочешь меня поколотить. Ну и ладно — бей. Я тебя все равно не боюсь, потому что ты не мужчина и не солдат, а самая настоящая шляпа...»

Димка понимал, что Светка права, и ему было стыдно смотреть ей в глаза.

Но вот окончился урок, и все стали собирать учебники.

Вовка Сорокин не торопился. Застегивал и снова расстегивал портфель, искал что-то под партой.

Димка догадывался, что Вовка просто тянет резину и не хочет идти вместе с ним колотить Светку.

Димка не подгонял приятеля, и они вышли из класса самые последние.

У подъезда Вовка снова замаялся. Повертел в руках портфель, посмотрел куда-то поверх Димкиной головы и сказал:

— Давай лучше по Ленинской пройдем. Может, солдат увидим. Они там всегда ходят...

Димка понял Вовкин маневр и тут же согласился. Ему уже самому расхотелось идти по Садовой, где жила Светка.

«Не буду ее колотить сегодня, — решил он. — Все-таки сегодня день Победы».

Приятель свернули направо и скоро вышли на самую большую и самую красивую в городе улицу Ленина.

Из-за крыш светило из последних сил чернее солнце. Вокруг все стало розовым — и витрины магазинов, и бегущие куда-то вдаль троллейбусы, и высокая, похожая на граненый стакан, будка милиционера.

На углу Пушкинской и Ленинской Вовка остановился и стал прислушиваться.

— Ты чего? — спросил Димка.

— Ничего, кажется, солдаты идут...

Издали, и в самом деле, доносилась песня.

Сначала едва слышно, потом все громче и громче.

Солдаты ходили по Ленинской почти каждый день. Если под мышками у них были свертки, значит они шли в баню, если с вин-

товками и деревянными мишенями, — на ученье.

Димка и Вовка подождали немножко и увидели солдат.

Сегодня у них не было ни свертков, ни винтовок. Они были в новеньких, с неразглаженными складками гимнастерках и надраенных до черного сияния сапогах.

Наверно, они шли в кино, а, может быть, даже в цирк, где сегодня выступали молдавские наездники Рогальские.

Справа, зорко поглядывая на солдат, шел капитан с боевыми орденами на кителе. Наверно, этот капитан не раз ходил на фашистов с автоматом в руках. Глаза у него были строгие и синие, как лезвие клинка, а через всю щеку тянулся шрам.

Грох, грох, грох — стучали по мостовой тяжелые, подкованные железками солдатские сапоги.

Когда строй прошел мимо, Димка и Вовка прыгнули на мостовую и пошли за солдатами, звонко припечатывая шаг.

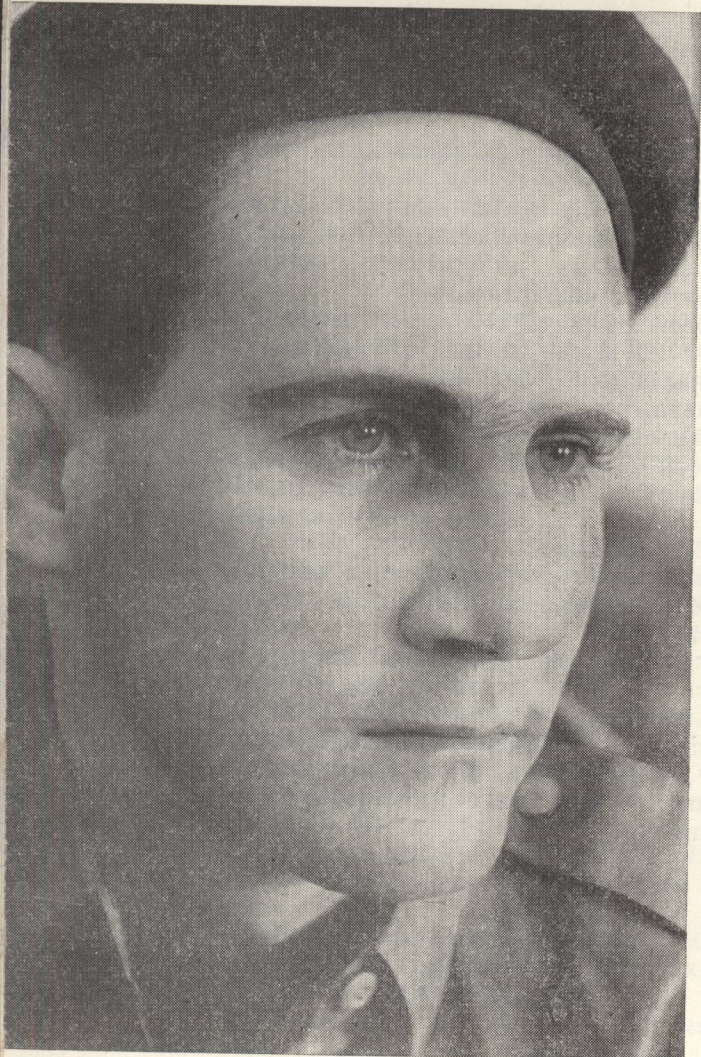
Капитан с боевыми орденами на кителе сразу заметил, что строй стал немножечко больше, но он ничего не сказал и не прогнал их.

Капитан знал, что они тоже мужчины и тоже хотят быть такими, как солдат с девочкой на руках в немецком городе Берлине.

Он только поправил свою боевую фуражку и специально для Димки и Вовки суровым командирским голосом приказал:

—левой, левой!

Нельсон Гутьеррес отвечает на вопросы пионерской книги

Нельсон Гутьеррес приехал в Ленинград вместе со своими друзьями из кубинской организации Молодых повстанцев.

Нельсону — тридцать лет, но он уже старый революционер. Сейчас он руководит молодежной организацией Гаваны.

Гутьеррес и его товарищи расспрашивали нас о жизни советских пионеров и попросили передать читателям «Костра» горячий привет, пожелания мира и счастья.

А когда мы рассказали о «Пионерской книге», Нельсон захотел стать ее участником.

Какой ты представляешь свою родину в будущем?

Свободной и мирной. Война превратится в страшную сказку, которую будут рассказывать детям, как теперь «Белоснежку и семь гномов».

Какая профессия кажется тебе самой лучшей?

Быть революционером.

Мне было года четыре, а я уже слушал, как отец и мать читали по вечерам листовки неграмотным рабочим. Лет в восемь я вместе со старшим братом начал расклеивать листовки. Прошло еще время, и я стал их писать.

В семье нас четыре брата, и все участвовали в революции. Только сестра Нейда осталась в стороне — слишком много времени приходилось ей тратить на тюремные свидания и передачи: не было года, чтобы хоть один из нас не сидел за решеткой. На старшем, Ансельмо, держалось подполье нашего города Морона; младшие, Норман и Нелин, доставляли морем оружие для повстанцев. А я — двенадцать лет в горах, в промежутках — тюрьма и каторга. Когда мне было шестнадцать лет, меня приняли в коммунистическую партию. Сейчас мы победили, но разве могу я переменить профессию? Ведь наша революция продолжается!

Гавана.

Есть ли у тебя любимая книга?

Их две: «Мы — советские люди» Бориса Полевого и «Золотой возраст» Хосе Марти. «Золотой возраст» — книжка о детях, очень ласковая и мирная. Кажется, это первая книга, которую я прочел. Я запомнил ее навсегда. В горах, перед сражениями, и даже в тюрьме я думал об этих двух книгах. С одной была связана память о доме, о матери, другая напоминала о моих незнакомых товарищах, боровшихся за Сталинград.

Сейчас у меня дома в Гаване эти две книги стоят на полке рядом.

Твой самый большой враг?

Империализм. Это враг общий, не только мой. Мои личные враги — слуги империализма.

Я никогда не забуду тюремного палача Эрминио. Приземистый, волосатый, с лицом, изрытым оспой, он приплясывал от удовольствия, когда к нему приводили заключенного, и придумывал ежедневно какую-нибудь новую пытку.

Долго буду помнить я и капитана Наварро. О, этот считал себя аристократом! Он не прикасался к арестованному, сидел в кресле ипил лимонад. Он считал, что пытка должна быть изящной. На его глазах меня разрисовывали с ног до головы издевательскими надписями и карикату-

Хуану — пятнадцать лет. Он готов защищать республику.

рами. На следующий день их смывали струей из брандспойта и рисовали снова. И так целый месяц.

Сейчас Наварро арестован как политический преступник, а Эрминио сошел с ума в первый же день нашей победы. Впрочем, этот выродок и раньше казался мне ненормальным.

На дороге. — Враг не пройдет! — Бойцом стал каждый. — Первый урожай на своем поле.

Когда тебе было очень трудно?

В день, когда исчез мой любимый друг Фульхенсио Орос. В свои семнадцать лет он был одним из главных в гаванском подполье. Какие он писал стихи, как он мечтал о победе! Он не дожил до нее всего двадцать дней. Потом мы узнали, что его замучили палачи Батисты.

Что бы ты сделал, если бы все мог? Назови три своих самых заветных желания.

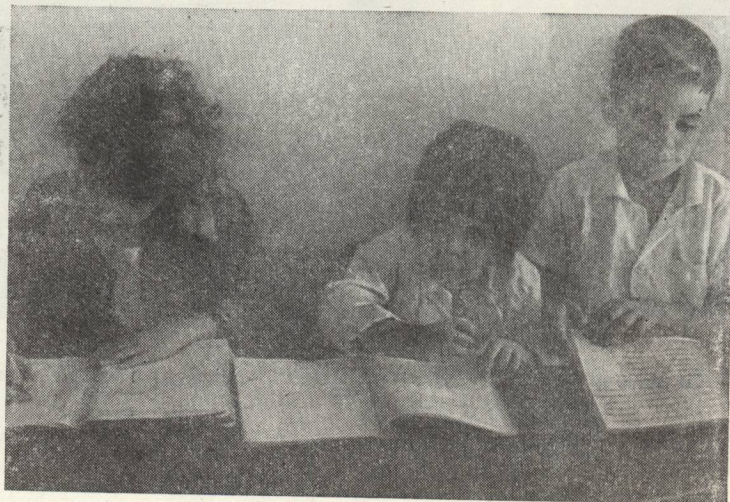
Я бы немедленно уничтожил империализм. Мне бы хотелось, чтобы Куба была такой же сильной и счастливой, как СССР. Хочется пожить дома, в семье — ведь это счастье мне почти незнакомо. И чтобы мой сын, когда вырастет, учился в Московском университете дружбы имени Патриса Лумумбы.

Что тебя сейчас волнует?

Я вспоминаю о маме... Сколько ей пришлось пережить из-за нас! Ожидания, тревоги, бесконечные обыски и допросы, часто с побоями, — во всех этих муках невольно виноваты мы, ее дети. Правда, она и не хотела, чтобы мы поступали иначе. Я готов сделать все, чтобы ей сейчас жилось радостно и спокойно.

Этот трактор — из Советского Союза! — Дети героев борьбы за свободу. — Мы тоже учимся!

Фотографии, которые помещены на этих страницах, сделал на Кубе фотокорреспондент «Правды» В. Володкин. А Нельсона Гутьерреса сфотографировал в Ленинграде В. Фомичев

Во что ты любишь играть?

Мне нравится бейсбол, но времени всегда так мало, что я чаще читаю отчеты о матчах, чем играю сам. А в детстве я не скучал по играм: то мы с братьями мастерили для мамы новое кресло, то строили отцу рыбацью лодку, а потом все вместе выходили на ней в море. Нам это казалось лучше всякой игры.

Расскажи о самом веселом дне этого года.

Это был день, когда я узнал, что поеду в Советский Союз. Я столько думал о вашей стране, что иногда даже видел ее во сне. И тут эта радость — разве может сравниться с нею самый прекрасный сон?

ЧЕРНЫЕ КУКЛЫ

Владимир Торопыгин
Рисунки Т. Капустиной

Наш отряд
ходил смотреть
фильм документальный
о далекой Африке,
экваториальной...

Был наполнен весь экран
солнечным сияньем,
целым ливнем
из лиан,
криком
обезьяньим.
А у хижин
в той глуши
крыши — как спирали...

Возле хижин
малыши
с куклами играли...

Тут-то он и встал,
вопрос,
для отряда спорный:
был у кукол цвет волос
белым,
а не черным —
почему же в наши дни
в селах негритянских
нет курчавых, как они,
кукол африканских?!

Был ответ суров, как суд:
в мир колониальный

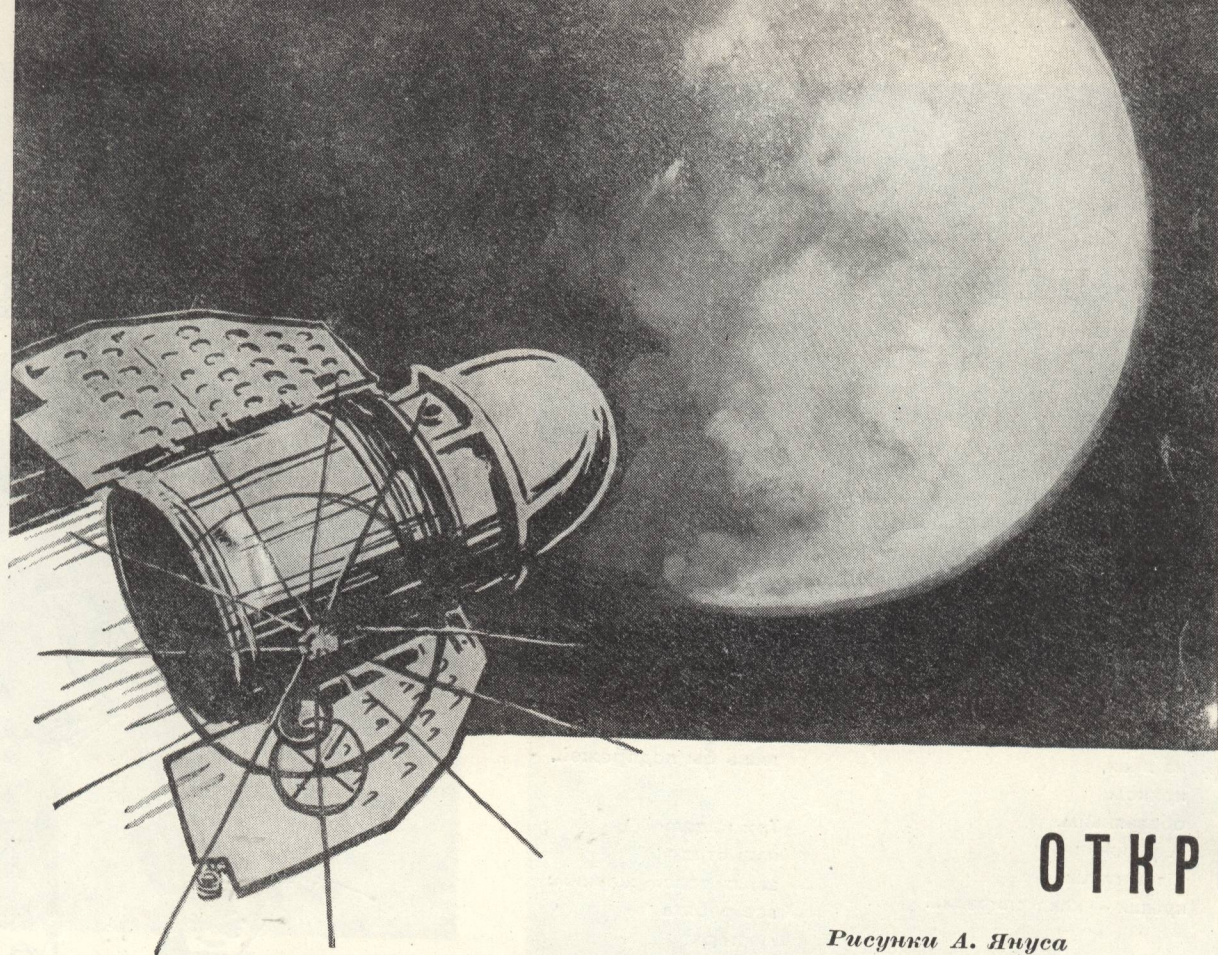
черных кукол
не везут
из Европы дальней
Ей на игры наплевать
этих...
«чернокожих»...
Ей не важно,
что
продать, —
лишь бы подороже!..

Три недели
наш отряд
занят делом жарким:
все ребята
мастерят
для друзей подарки.
Мы рисуем, красим, шьем,
вырезаем пилкой...
Наших кукол
мы пошлем
в Африку
посылкой.

Новой дружбе мы верны:
будто негритята —
дети не чужой страны,
а просто октябрята!

Куклы наши
так черны,
даже лиловаты!..

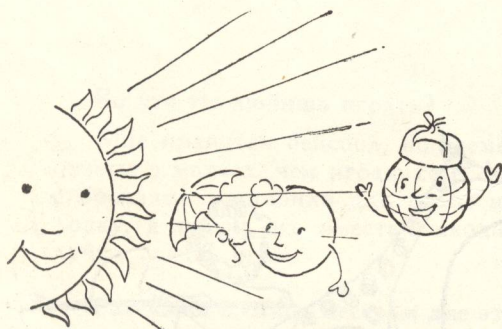
ОТКРОЙ

Рисунки А. Януса

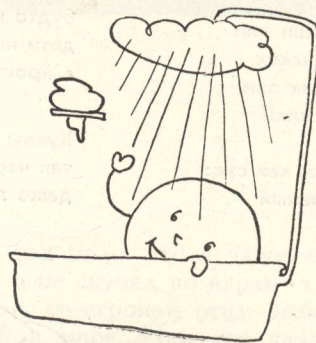
Венера — самая яркая на нашем небосводе планета. Она загорается на западе сразу после заката Солнца или на востоке незадолго до восхода. Люди еще в незапамятные времена называли ее Вечерней или Утренней звездой.

Венера — самая близкая к нам планета. Временами расстояние до нее составляет „всего лишь“ сорок два миллиона километров. Тогда она видна в хороший телескоп примерно так же, как Луна — в бинокль.

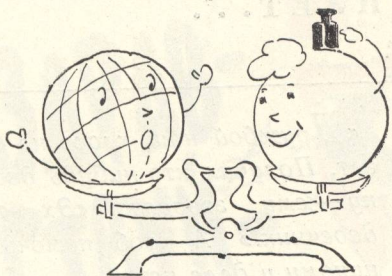
А ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ВЕНЕРЕ?

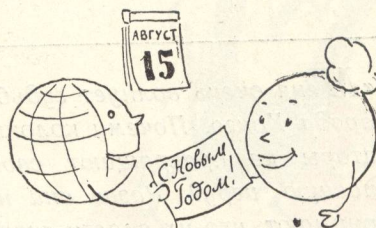
Она в полтора раза ближе к Солнцу, чем Земля.

В ее атмосфере, открытой еще Ломоносовым, очень много водяных паров, много углекислого газа, есть азот и немного кислорода. Верхние слои этой атмосферы нагреты Солнцем почти до трехсот градусов.

По размерам она почти такая же, как Земля, — чуть-чуть поменьше.

Год на ней длится семь с половиной земных месяцев.

ВОТ, В ОБЩЕМ, И ВСЕ.

ДЕЛО В ТОМ, ЧТО ВЕНЕРА ПОСТОЯННО ОКУТАНА ГУСТЫМ СЛОЕМ ОБЛАКОВ. САМОЙ ПОВЕРХНОСТИ ПЛАНЕТЫ ЕЩЕ НИКТО НИКОГДА НЕ ВИДЕЛ.

ЛИЦО, ВЕНЕРА!

ИНТЕРЕСНО, КАК ОНА ВСЕ-ТАКИ ВЫГЛЯДИТ? УЧЕННЫЕ ПРЕДПОЛАГАЮТ: ТАК, КАК ВЫГЛЯДЕЛА ЗЕМЛЯ МНОГИЕ МИЛЛИОНЫ ЛЕТ НАЗАД.

Судя по тому, что в атмосфере Венеры много водяных паров, возможно, что большая часть планеты покрыта океанами.

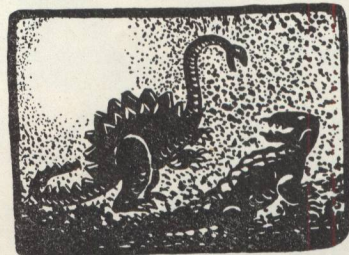
При плюс тридцати-сорока градусах (температура поверхности Венеры вряд ли выше) вода океанов должна бурно испаряться, подниматься ввысь туманом и ливнем падать обратно.

Вполне вероятно, что в океанах Венеры и на их побережье есть растения: все необходимые для их жизни газы содержатся в атмосфере планеты.

А там, где есть растения, могут быть и животные. Они, наверно, похожи на земных ископаемых чудищ: ихтиозавров, птеродактилей, игуаноносов.

ТАК ЭТО ИЛИ НЕ ТАК? СКОРО УЗНАЕМ.

Запуск космической ракеты к планете Венера прокладывает первую трассу к планетам солнечной системы.

ПИОНЕРСКАЯ КНИГА

ЧТО НАС ВОЛНУЕТ...

«Меня очень волнует судьба народа Конго. Почему колонизаторы не прекращают свою опасную игру? Разве они не понимают, что их власти скоро придет конец?»

Валя Шатрова, Новгородская область, г. Валдай

...У нас недавно был диспут «Как ты понимаешь подвиг». Один вопрос мы никак не могли разрешить. В восьмом классе у некоторых мальчиков были на руках наколки. Перед тем, как ехать на экскурсию в Ленинград, они срезали эти наколки бритвой... На диспуте одни называли это смелостью, другие — долгом, а третьи — дуростью...

К выводу по этому вопросу так и не пришли. Очень просим, помогите нам разобраться.»

Писала по пионерскому поручению Люся Тоткалова, Горловка, интернат № 3

«Дружбой наш класс не богат. Получил кто-нибудь двойку — ему говорят: «Эх ты, двоечник!» А чтоб помочь — никому и дела нет.

Однажды многие ребята сказали на собрании, что неплохо бы организовать тимуровскую команду, а классная руководительница отложила этот вопрос на другое собрание. И так каждый раз! Правильно ли это?»

Витя Бочанов, Омская область, Называевский район, дер. Стрункино

«Дорогая редакция Пионерской книги! Прошу ответить мне: будет ли наша помощь колхозу, занятия с младшими ребятами и соревнование между классами — делом пионерской двухлетки, шагом в будущее, к коммунизму?»

Люда Васильева, Омская область, станция Низовая

Мой товарищ интересуется, можно ли стать моряком, не проходя медосмотра. У него зрение плохое. А очки не носит, стесняется. В школе у нас есть несознательные элементы, которые дразнят его: «Профессор! Профессор кислых щей!» А ему очень хочется быть моряком.

Иван Павлычев, Горьковская область, деревня Шмаки

А ВАШЕ МНЕНИЕ?

Это первые эскизы
 обложки Пионерской книги.
 Какой из них вам больше
 нравится?

„ПОЛИТИКИ“ ПРИШЛИ В ГОСТИ

В. Дмитриевский

Рисунки Н. Кустова

Ленинградский писатель Владимир Иванович Дмитриевский — старый пионерский работник.

Почти сорок лет тому назад он организовал первый отряд юных пионеров в городе Туле. Тогда ребят в красных галстуках было совсем немного.

Но и до того, как комсомол приступил к созданию первых детских коммунистических групп — так назывались отряды юных пионеров — то есть до 1922 года, дети рабочих, крестьян и служащих старались объединиться, чтобы не сидеть сложа руки, а помогать коммунистам и комсомольцам строить новую жизнь.

В нашем городе — он еще назывался Петроградом — Валя Цауне, Боря Вахтин, Юра Дитрих создали РОЮР — Российскую организацию юных разведчиков. На Украине были детские группы имени Спартака, ну а в Туле — детские пролеткульты.

Еще шла гражданская война. Жить было нелегко. Но ребята, всегда полуголодные и кое-как одетые, нисколько не унывали. Конечно, им больше всего хотелось отправиться на фронт и вместе со своими отцами и старшими братьями защищать республику. Но так как на фронт не пускали, они, записавшись в детские пролеткульты, занимались в разных кружках, слушали доклады о международном положении, проводили конференции и съезды, решали, как лучше построить свою работу и чем конкретно можно помочь комсомольцам.

Тогда еще оставались буржуазные детские организации: бойскауты, спортивное общество «Сокол» и другие. С ними приходилось вести постоянную борьбу за влияние на еще не организованных ребят.

В своей повести «Бей, барабан!», которая скоро выйдет, В. И. Дмитриевский рассказывает об этом далеком, грозном, но прекрасном времени. Эта книга — подарок писателя к сорокалетию юбилею пионерской организации.

Мы публикуем отрывок из повести. Вы встретитесь с теми тульскими ребятами, которые первыми захотели помочь комсомольцам. Многие из них стали потом юными пионерами.

В румяное декабрьское утро я с Фуллером и Федоровым занимаюсь важным делом: растапливал печь в нашем культпросвете. Большим Колиным ножом, который он так и не пожелал взять обратно, я щепал лучину; Фуллер, сидя на четвереньках, дул в печь с такой силой, что оттуда вырывался сноп крупных красных искр, а Валька вертелся около и давал разнообразные советы. Вдруг он заорал:

— Эй, ребята! Смотрите скорее... Какие-то к нам идут. Да еще с лыжами.

Мы кинулись к окнам. Действительно, по узкой тропке, что вела из палисадника к черному ходу, гуськом пробиралось несколько чужих ребят. Они несли в руках лыжи. Одеты они были по-разному, — значит, не детдомовские, — и с ног до головы в снегу.

— Смотри, чтобы печь не погасла! — крикнул я Фуллеру и опрометью выбежал в коридор, чтобы первому встретить пришельцев.

Но я опоздал. Они уже вошли и препирались с Лидией Алексеевной, решительно преградившей им путь.

— Кто вы такие и что вам здесь нужно? — спрашивала она, широко раскинув руки и не пуская ребят в коридор.

— Нам нужен ваш детпролеткульт. Пропустите, пожалуйста.

— У нас нет никакого детпролеткульта. Здесь детский дом нормального типа. У вас есть разрешение Унаробраза?

— Смотрите, ребята, тут старыми порядками пахнет!

— У меня мандат! — веско сказал самый высокий.

— Но я же не по-китайски, а по-русски сказала: здесь детский дом нормального типа! — раздраженно воскликнула наша Лидочка.

— Э, да что с ней разговаривать! Вызовите сюда заведующую.

— У нас есть революционный детский клуб, — вмешался я. — И почему вы их не пропускаете, Лидия Алексеевна? Они же замерзли.

— Как твоя фамилия? — спросил высокий.

— Муромцев.

— Вот ты-то нам и нужен, парень!

И пришедшие, просто отодвинув Лидию Алексеевну в сторонку, скопом ввалились в коридор.

— Безобразия! Хамство! — зашипела Лидия Алексеевна и, кутаясь в платок, торпливо засеменила по коридору.

«Пошла за мамой... Ну и пусть себе!» — подумал я.

— Идите сюда. За мной! — призывал Валька.

Смуглая, черноволосая девчонка, ростом чуть повыше Кати, взглянув на нашу вывеску, насмешливо фыркнула.

— Ты посмотри, Вася, что они выдумали: Революционный клуб! Вы долго это придумывали? — спросила она меня, щуря свои озорные черные глаза.

— Разберемся, — буркнул высокий.

Отряхивая снег с шапок, плеч и колен, они входили в наш культпросвет, перебрасываясь непонятными для меня фразами:

— Пожидаев прав: стихийная тяга к организации...

— Давно бы следовало заглянуть сюда!

— Очевидно, воспитательский состав чинит препятствия...

Печь жарко пылала.

— Ух, хорошо! — воскликнул высокий парень и, присев на корточки, несколько секунд крепко тер перед огнем замерзшие руки. Потом он встал, расстегнул короткую старую шинель и сбросил с головы ушанку. У него было длинное лицо с горбатым носом и прямые светлые волосы.

— Давай теперь знакомиться... Кузин.

Он крепко стиснул мою руку холодными сильными пальцами.

— А ты откуда? — спросил я.

— Я — член президиума Тульского губкома детпролеткульта. Слышал о такой организации?

— Нет. А что вы делаете?

— Ну, это сложный вопрос. В двух словах ответить трудно. Основная цель — воспитание рабоче-крестьянских детей в новом коммунистическом духе.

— Значит, вы тоже молодые коммунары?

— Почему тоже? — не понял меня Кузин.

— Потому что так назвал нас товарищ комиссар, — с гордостью сказал я.

Ребята, пришедшие с Кузиным и сейчас облепившие печку, засмеялись.

— Ты ему попроще объясняй, Вася, — посоветовала черномазая девчонка. Ее, как я установил, звали Зиной, и она, посматривая на меня, чему-то усмехалась.

— Мы пришли проверить вашу работу. Ну и помочь, конечно. Кроме того, Лебедев делает доклад о текущем моменте.

Лебедев, щупленький парень, одного роста со мной, сказал басом:

— О международном и внутреннем положении Советской республики... Думаю, что за час уложусь.

— Это ты будешь докладывать? — недоверчиво спросил я. У этого Лебедева было круглое, щекастое лицо и крошечный красный нос, похожий на воробьиный клювик.

— Я... Может, у тебя имеются возражения?

Нет, возражений я не имел. Пусть себе докладывает, если умеет. Но что-то я не слышал, чтобы мальчишки выступали на митингах, как комиссар Мельников.

— Лебедев — лучший оратор Губкома, — подтвердил Кузин.

Распахнулась дверь, и на пороге возник Андрияша.

— Здравствуйте! Я, кажется, опоздал... А сюда идут наша заведующая, Александр Иванович и все... Лидочка пожаловалась.

— Я же говорил: нездоровые отношения с воспитательским составом! — воскликнул мальчишка с узким, как нож, лицом.

А Кузин отрубил:

— Не беспокойся, оздоровим.

Когда вошла моя мама, Кузин встал с креслица и достал из кармана черной суконной гимнастерки какую-то бумагу.

— Вы товарищ заведующая? Вот мой мандат.

Он протянул маме бумагу с круглой сиреневой печатью.

Мама внимательно ее прочитала, вернула Кузину и приветливо сказала:

— Вот и отлично! Поможете нашим детям. Может, они что-нибудь и не так организовали, но ведь руководства никакого... Все сами придумывают.

И тут же заботливо спросила:

— Вы из Тулы? Наверное, очень голодны? У нас скоро обед.

Но оказалось, что ребята пришли не из Тулы, а из Руднева. Там, в бывшем имении Воронцовой, у них какая-то самоуправляющаяся колония детского пролеткульта. Сами готовят себе пищу, сами следят за порядком. Вообще обходятся без взрослых.

Мама сказала, что, когда обед будет готов, она придет за нами. И ушла.

Александр Иванович тоже не захотел остаться.

— Зачем вам я? Есть же правление клуба. Пусть оно и занимается с гостями. Проведите товарищей в зал, покажите им наш театр...

— У вас есть театр? — оживленно перебила Зина. Насмешливость с нее как водой смыло.

— А где же сцена? Можно посмотреть? — суетилась она.

— Не лезь ты с театром, Зина, — строго перебил Кузин. — Проверять придется всю их работу. И начинать надо с политической стороны.

— У нас есть географический кружок. Андрияша нарисовал большую карту Европы... — начал было я.

Но Кузин оборвал меня малопонятной фразой:

— Пролеткультура не укладывается в рамки географических масштабов.

— Ничего, ничего! Постепенно во всем разберетесь, — ободряюще бросил Александр Иванович и предательски оставил нас одних.

— А как он — помогает или тоже мешает? — спросил Кузин, когда за Александром Ивановичем захлопнулась дверь.

— Он-то? Да еще как помогает!

— Он же был у нас командиром красной разведки, — вмешался Валька Федоров.

— Это еще что за красная разведка? — строго спросил Кузин.

Пришлось рассказать.

— А ведь интересно! Честное слово! — воскликнул мальчик с узким лицом. — Кто же все это придумал?

— Мы так порешили на Великом совете вождей... — пояснил Андрияша.

— Великий совет вождей... Что за чертовщина! — изумленно поднял брови Кузин.

Тогда мы повели всех детпролеткультовцев во вторую комнату и показали наш индейский уголок.

Узколицый парень, Толя Токарев, прямо волчком завертелся от удовольствия. Надел головной убор Рыси, взял в руки мой тамагавк.

— Делавары? Значит, как у Фенимора Купера? А кто же сделал эти перья?

— Эх ты, Монтигомо — Ястребиный коготь, — насмешливо сказал Кузин.

— Такого у нас не было, — возразил я. — Андрияша был Рысью, а я — Большим змеем...

— Вот я и говорю, змеи, когти, клыки, телки, перепелки. Индейщину развели, как какие-нибудь буржуазные детки. Типичный пережиток!

И тут между пролеткультовцами разгорелся жаркий спор.

— По-моему, ты не прав, Кузин, — сказал молчавший до сих пор парень в солдатской папахе. — Индейцы боролись за свою свободу. Причем здесь буржуазные пережитки?!

— Бросьте, ребята! — пробасил Лебедев. — Я думаю, что вопрос об индейцах принципиального значения не имеет, тем более, что здешние ребята в индейцев уже не играют.

— Они все политики! — шепнул мне на ухо Андрияша и предложил гостям пойти осмотреть театр.

Вот когда и для нас наступил час торжества!

— Занавес! — негромко скомандовал Андрияша.

— Люк! — пиратским голосом прорычал Андрияша.

Загудело колесо, жестко лязгнули тросы, Зина взвизгнула и исчезла.

— Это для разных водяных и прочих придуманий сделано, — пояснил главный художник и опять рявкнул:

Свистящий звук колеса, — и занавес взлетел вверх, как гигантская голубая бабочка. Декорация представляла комнату с красивыми красновато-коричневыми обоями.

— Лес! — также тихо потребовал главный художник.

Тотчас же легкие рамы повернулись на своих стерженьках, и сцена утонула в кудрявой зелени.

Зина даже захлопала в ладоши, а Кузин одобрительно мотнул головой.

— Здорово устроили!

— У нас все механизировано, — разъяснил Андрияша. — Теперь пройдите на сцену... Девочка, встаньте сюда и ничего не бойтесь.

— А я и не боюсь, мальчик, — тоненьким голоском отозвалась Зина и скакнула на указанное Андрияшей место.

— Люк!

С металлическим стоном площадка вынесла Зину на сцену.

Слабо улыбаясь, она сообщила:

— А я провалилась под пол... Там у них тоже какие-то колеса...

Потом тряхнула своими черными локонами и убежденно сказала:

— Это же настоящий театр, ребята!

Из-за кулис вышел сияющий Кругликов.

— Может, они хотят гром послушать? — спросил он Андрияшу. — У нас есть.

Загромыхал по полочкам лотка крокетный шар.

— Действительно, гремит, — воскликнул Токарев, и глаза его загорелись.

— Техника неплохая, — согласился Кузин. — А как с репертуаром?

Я посмотрел на Андриюшу. Он — на меня. Мы не поняли вопроса, однако я нашел необходимым ответить:

— Ничего себе... Репетируем, сколько влезет.

Кузин снисходительно усмехнулся.

— Ты меня, Муромцев, не понял. Пьесы, которые вы ставите, имеют революционную направленность?

— Конечно, про революцию. Сейчас про французскую. Пьеса называется «Марат».

— Ого, куда хватили! — не то одобрительно, не то насмешливо пробурчал Кузин. — Кто же у вас играет Марата?

— Вот он играет... Муромцев, — Андриюша ткнул меня пальцем в грудь. — Да еще как здорово!

— Ого! — еще раз буркнул Кузин.

А Лебедев подскочил ко мне, смерил с головы колючим взглядом маленьких, черных глазок и недоверчиво протянул:

— Ты играешь Марата?

— Ну я. А что?

— А то, что знаешь ли ты, кем был Марат? Другом народа, трибуном восставших санкюлотов. Чтобы играть Марата, надо самому быть выдающимся оратором.

— Вот ты бы и показал, Мишка, как надо, — сказал парень в солдатской папахе и почему-то подмигнул мне.

— Мне нечего показывать. Я в артисты не записывался, — возразил Лебедев. — А вот он пусть покажет.

— Покажи им, Митя, — шепнул Андриюша.

— «Граждане солдаты, вы обмануты!» — начал я свой любимый монолог.

И вдруг трепетный холодок пробежал у меня по спине. Не было уже ни детпролеткультовцев, ни Андриюши. Жан Поль Марат один стоял перед вооруженными солдатами, пришедшими, чтобы арестовать его и отвести в лагерь смертельного врага. Дула ружей направлены в его грудь. Смерть? Но Марат ее не боится. Ведь уже поднялись тысячи бедняков Парижа. Они строят на улицах баррикады. Останавливают золоченые кареты аристократов, обрезают построжки и переворачивают кареты на мостовую. Марат обращается к солдатам.

Слышу реплику:

— Арестуйте этого бунтовщика!

Это Андрей, играющий офицера.

— Реют, реют красные крылья свободы...

Как флаг на шпиге нашей башни, как боевое знамя красноармейской батареи...

И вот уже Кругликов схватил какую-то палку и нацелился в затылок Андриюши:

— Смерть палачам!

Грохочет оглушительный выстрел. И Валька Федоров выскакивает на сцену и, размахивая руками, упоенно вопит:

— Я к-а-а-к вдарил! Даром, что без сигнала!..

Ко мне бросился Токарев.

— Здорово это ты! И они, значит, послушали и своего офицера — хлоп! Кто же это вас так научил?

— Ну как, Миша, показал? — добродушно спросил Лебедева парень в папахе.

— А кто у вас играет Шарлотту Корде?

Вопрос задала, конечно, Зина. Наверное, ей очень хочется играть в театре.

— Учит нас Александр Иванович, а Шарлотту Корде играет Катя Леденева.

— А какая она? Брюнетка или блондинка?

— Светленькая...

— Ну вот и плохо. Все француженки — брюнетки. Вот как я.

В общем наш театр детпролеткультовцам, как видно, сильно понравился.

Кузин прямо заявил:

— Театр организован правильно. Опыт Федяшевкинского детпролеткульта надо передать другим детпролеткультам. Тебе, Муромцев, придется сделать доклад на президиуме Губкома.

Итак, значит, мы теперь стали Федяшевкинским детпролеткультком, и мне придется ехать в Тулу и делать там доклад. Меня пугало, что еще никогда в жизни я не делал докладов. Нужно будет как можно внимательнее послушать доклад, который собирается сделать Миша Лебедев.

Ледок некоторого отчуждения между нами и детпролеткультовцами постепенно таял. В конце концов, они были такими же ребятами, как и мы. Только немного старше.

Приглядываясь к ним, я заметил, что и одеты они не больно-то хорошо. Шинель у Кузина совсем старая, потемневшая, с обрезанными полами, а большие солдатские ботинки просят каши. Зина в разношенных валенках, — в каждый можно спрятать по крайней мере две таких ноги, как у нее. Черное пальто Токарева порыжело на плечах, а на локтях — дырки...

Когда мы сели обедать и нам подали глиняные миски со щами, с редкими золотыми кружочками льняного масла на поверхности, гости дружно заработали ложками, а Токарев, сидевший со мной рядом, сказал:

— Вкусные щи! У нас таких не варят. Мы все суп из свеклы едим.

Да, с продовольствием и в их самоуправляющейся колонии, видно, не густо. Конечно, они с наслаждением поели наших щей и по

ложке овсяного киселя на второе. Но я сразу понял, что каша с маслом — не главное в их жизни.

Удивительно, как много знали эти ребята. И то, что делается на фронтах гражданской войны... И почему так плохо с продовольствием, — экономическая блокада Антанты. И кто такие эсеры, которые попробовали восстать и даже организовали гнусное покушение на жизнь самого Ленина. И обо всем этом они говорили красивыми, хотя и не всегда понятными словами. Видно, все они в своем детпролеткульте как-то выучились на оратора. Больше всех мне понравился Толя Токарев и парень в солдатской папаше — Коля Лопухин.

Уже во время обеда Токарев предложил мне дружбу на всю жизнь.

— Я состою в Тульском Укоме детпролеткультов, — сообщил он мне. — Теперь и тебя туда обязательно введут, и мы будем придерживаться одной линии.

— А какие же у вас линии? — спросил я.

Токарев искоса глянул на Кузина, сидевшего по другую сторону стола, и, убедившись, что тот занят киселем, попытался объяснить мне кое-что.

— Видишь ли, как у нас получилось, — говорил он негромко. — Когда организовался первый детпролеткульт, всем руководил один человек по фамилии Пожидаев. Он, понимаешь, очень хороший художник и, кроме того, знает все на свете. Он и объяснил нам, что такое пролетарская культура и как мы должны ею овладеть. Но потом старшие ребята: вот этот — Кузин Вася, мой брат и еще другие, стали с ним спорить и переспорили. Начали переустраивать всю работу, потому что Пожидаев заставлял нас заниматься разным искусством, а мы должны стать стойкими борцами за дело пролетарской революции. У них, у старших ребят, конечно, правильная линия, но только...

— Что только?

Токарев опять быстро взглянул на Кузина.

— Тебе сколько лет? — неожиданно спросил он.

— Тринадцатый пошел.

— А мне — тринадцать. А Кузин уже совсем взрослый. Ему уже шестнадцать. И брату моему Виктору столько же и даже Лебедеву, хотя он меньше нас ростом и почему-то больше не вырастает... А в детпролеткульте больше таких, как я и ты. И мы хотим, чтобы устраивались разные игры, чтобы интереснее было. Вот вы в индейцев играли. Я бы тоже играл, но Губком принципиально против... У нас, младших, своя линия...

— Какая линия, Токарев? — нахмурился Кузин.

Мой новый друг передернул плечами.

— Я ему рассказываю о линии наших детпролеткультов. Может, нельзя?

— Да ведь ты все напутаешь. А у них и так путаницы хватает.

На узком бледном лице Токарева выступили красные пятна, и он выскочил из-за стола.

— Ну, Кузин, дождешься ты!..

Наши ребята притихли и только таращили глаза на гостей.

— Пожалуй, схватятся! — с надеждой шепнул Кругликов, сидевший слева от меня.

— Ладно, Толька, не лезь в пузырь, — примирительно сказал Кузин.

— Не знаю ничего про путаницу, а только мы считаем себя молодыми коммунарами и все тут, — громко заявил я, решив держать руку Токарева.

— И правильно считаете, — поддержал Лопухин.

— Разберемся, — пообещал Кузин.

После обеда мы собрались в «красной гостиной», которая теперь называлась комнатой тихих игр.

Кузин сел за стол, потом встал и предоставил слово для доклада о текущем моменте

члену Губкома детских пролеткультов товарищу Лебедеву.

Лебедев вынул из кармана своей курточки довольно много смятых бумажных листочков, разгладил их перед собой на столе, густо откашлялся и выпил большую кружку кваса.

Наташа Фуллер тотчас же подошла к столу и вновь наполнила кружку из глиняного жбана. Лебедев сердито на нее посмотрел и еще раз прочистил горло. Затем нахмурился, растрепал ладонью свои жесткие волосы и закричал:

— Дорогие товарищи! По поручению Губкома детпролеткультов я обрисую вам внешнее и внутреннее положение нашей рабочей крестьянской республики и переживаемый нами текущий момент...

И, надо сказать, здорово обрисовал! Рассказал об акулах международного империализма и о внутренней гидре контрреволюции, хотя и обезглавленной пролетариатом, но все еще бьющей в разные стороны своим колючим хвостом...

— Ловко чешет! — сказал Валька Федоров и восхищенно раздул щеки.

Мы все очень аплодировали Лебедеву, когда он кончил доклад и залпом выпил третью кружку кваса.

После доклада революционные стихи декламировала Зина и сам Кузин.

У Зины выходило гораздо лучше, и мне захотелось, чтобы она осталась у нас и тоже играла в театре.

Напоследок Кузин объявил, что Федяшевский детпролеткульт считается организованным и попросил всех поднять руки за то, чтобы председателем его выбрать товарища Муромцева, то есть меня.

— Так меня уже выбрали. По революционному детскому клубу, — сказал я Кузину.

— Это не считается, — отмахнулся он и все же заставил всех наших ребят поднять руки.

Потом он позвал меня и сказал:

— Твое избрание зафиксировано в протоколе. Приедешь в Тулу и явишься в Губком. Там получишь дальнейшие инструкции.

И уже прощаясь, весело улыбнулся и хлопнул меня по плечу:

— В общем действуй, Монтигомо — Ястребиный Коготь!

Оказывается, и Кузин умел шутить.

Мы проводили гостей до ворот и долго смотрели, как они, надев лыжи и упруго отталкиваясь от земли палками, бежали один за другим по уезженной дороге. Когда же их фигуры стали совсем маленькими, а у нас от искрящегося снега заболели глаза, мы вернулись в бывший клуб и заговорили все сразу.

Андрюша и Кругликов так хвастались нашим театром, словно мы о нем ничего не знали.

Наташа Фуллер и Катя Ледечева больше всего интересовались Зиной: и откуда она, и о чем она спрашивала, и кто научил ее кататься на лыжах, и правда ли, будто она француженка.

А Валька Федоров сказал, что ему очень понравилось, как Лебедев кричал и размахивал руками «по текущему моменту», и что он сам решил сделаться оратором.

Но суть была в том, что всех нас волновала и радовала мысль, что мы теперь не одни, что мы вступили в большое дружное товарищество молодых коммунаров.

И вот уже Андрюша, разложив на столе большой лист бумаги, вывел на нем яркой кинотипом: «Федяшевский детпролеткульт».

ШКОЛА НАША ЗАВОД НАШ

Мы не обижаемся, когда иным из нас достается от рабочих. Ничего не сделаем — по заслугам!

Володя Будюк и сам не заметил, как у него выработался этот маршрут: вечерняя школа — канал Грибоедова — проспект Маклина... Вот и парадная. Здесь живет Коля Перваненок.

Коля открыл дверь, увидел жохатого и, смутившись, спрятал за спиной книгу.

— А ну-ка, покажи!

Так и есть. Учебник по автоделу. А за уроки, конечно, не брался.

Володя выразительно постучал по циферблату часов.

— Я сейчас, сейчас... — заспешил Коля. — Только, пожалуйста, не выключай меня из кружка.

— Там видно будет, — строго заметил вожатый. — Не умеешь жить без контроля — еще раз в гости приду.

Домой Володя вернулся поздно. Усталый и мрачный. Староста кружка Леня Смирнов опять двойку получил. Битый час с ним просидел, а разговор по душам не получился. У Юры Семенова никто дверь не открыл...

— Где ты, сынок, ходишь? — встретила Володю мать. — Ужин остыл, и гость тебя ждет...

В комнате, на краешке стула, сидел Юра Семенов.

— Я тебе хотел сказать, что у нас дома никого нет... Но ты не думай, что я по улицам без дела бегаю, я...

— Все ясно, — остановил его Володя, — давай-ка, брат, ужинать.

Когда пили чай, примчался Коля Перваненок и протянул Володе тетрадь с выполненными заданиями.

— Я подумал... Может, погуляем вместе?

— Идет! — улыбнулся Володя.

...Пусть кто-нибудь скажет, что в Ленинграде есть места лучше этих! Нева, Фонтанка, Калинин мост... Башни на нем, как бессменные часовые. На граните выбоины — следы войны.

— Этот мост, — говорит вожатый, — ближе всех к морю...

Ребята молчат. Они глядят на бесконечные ряды подъемных кранов с алыми огоньками на стрелах. Глядят на стапели и эллинги, на мост, по которому бесконечным потоком бегут трамваи, машины, автобусы. На корабли, большие и малые, с русскими и иноземными названиями...

Отсюда все видно: и залив, и Галерный остров с его знаменитым на всю страну Адмиралтейским заводом. Про завод Володя может рассказывать часами. И про то, что ему больше 250 лет, и про то, как строились здесь гребные суда русского флота, и про первый пароход... Ну, а если Володю спросят, что строят на заводе сейчас, то расскажет вообще не будет конца. Ведь он слесарь-судосборщик. Атомный ледокол «Ленин» строил! Человек занятой: работа — учеба, учеба — работа... И к тому же вожатый, в 234-й школе, что неподалеку от завода.

— Наша школа, мой отряд, — говорит Володя.

— Наши пионеры, наши классы, — говорят те четырнадцать новых вожатых, которых Володя привел с завода.

— Наш завод, наша бригада, наш вожатый, — слышишь на каждом шагу от ребят.

А Гена Алферов, тот говорит: «Мой завод!» Гена уже кончил школу и стал судосборщиком. На заводе его приняли в комсомол. И, сказать по правде, многие Алферову завидуют.

*В пятом классе всю работу ведет автокружок.
И ведет его вожатый Володя Будюк.*

РОЖДЕНИЕ ПЕСНИ

К сорокалетию пионерской организации

Из истории советской поэзии

Весной 1922 года у комсомола появились новые заботы. Он получил почетное задание Коммунистической партии: создать в стране единую детскую организацию и взять на себя руководство ею.

На совещаниях в Центральном комитете комсомола, где присутствовали партийные руководители и педагоги, воспитатели различных детских учреждений, работники печати и даже бывшие бойскауты, мне довелось представлять журнал «Юные товарищи», в редакционную коллегию которого я тогда входил.

Решали вопрос о названии будущей организации. «Юные пионеры» — так она будет называться!

Обсуждали вопросы содержания и формы ее деятельности, утверждали образец знамени, макет значка, порядок проведения собраний, форму рапорта и приветствия.

Много добрых советов получили комсомольцы от Надежды Константиновны Крупской.

Участие Надежды Константиновны в этом новом и трудном для нас деле было вдвойне ценным, так как мы были уверены, что оно осуществляется с ведома и одобрения Владимира Ильича. Кто-то даже спросил Надежду Константиновну:

— Как относится Владимир Ильич к пионерской организации?

— Конечно, одобрительно! И с самым живым интересом! — ответила она.

Кажется, именно Н. К. Крупская напомнила о том, что у скаутов были свои детские песни и что нам следует подумать о создании наших пионерских песен.

Идея хорошая. Но выполнить ее тогда казалось почти немислимым.

Старые композиторы Москвы, едва ли могли быстро создать такую песню. Новых советских композиторов тогда еще не было.

Первую советскую пионерскую песню Центральный комитет комсомола поручил написать мне. Я, тогда еще очень юный и неопытный поэт, никогда не писал песен, но решил попробовать, хотя и не сомневался, что не смогу сочинить ничего самостоятельного. Поэтому я взял кое-что из скаутских песен и стал на новый, пионерский лад переделывать их слова. Переделал прежде всего «Картошку»:

*Эх, картошка — обжedenье,
Пионеров идеал!
Тот не знает наслажденья,
Кто картошки не едал.*

«Картошку» я и принес секретарям ЦК комсомола. Они заявили:

— Так это же не ты написал!

— Я и не претендую на авторство. Важно, что есть у нас пионерская песня, а кто ее написал — это неважно...

— Ладно, мы можем напечатать эту «Картошку», — пусть поют ее пионеры, если хотят... Но им нужна прежде всего другая песня — боевая, советская, маршевая, героическая!..

— Таковую я написать не могу.

— Тебе говорят: надо. Значит, должен написать!..

— А где музыку взять?

— Об этом сам думай!

На другой день я получил выписку из протокола Бюро ЦК РКСМ: мне официально предлагалось написать пионерскую песню-марш.

Куда пойти?

Пошел к старшему своему товарищу, бывшему чапаевскому комиссару, вместе с которым я учился в 1-ом Московском университете, Дмитрию Андреевичу Фурманову.

— Положение безвыходное! — сказал я ему чуть ли не со слезами на глазах.

— У большевиков безвыходного положения не бывает! — ответил Фурманов.

Он не стал меня утешать, а начал вспоминать, как в чапаевской дивизии бойцы из полка Стеньки Разина сочиняли песню.

Фурманов рассмешил меня и растрогал этим «сочинением», которое он напел вполголоса на известный... церковный мотив:

«Всероссийской социалистической Красной Армии с вождем и товарищем Лениным, героическому командному составу 25-й стрелковой и всему 218-му Стеньки Разина полку — многая лета!..»

Дмитрий Андреевич и сам рассмеялся:

— Вот какие ребята! Жаль, что неграмотные... А ты ведь студент, Сашенька...

Устыдившись, пошел я искать выход из безвыходного положения. Не один пошел, а с товарищами, комсомольскими работниками. Главным среди нас был Андрияш Брюханов, главный в ЦК комсомола по детским делам. Он повел нас в Большой театр на оперу «Фауст» и особо обратил мое внимание на марш солдат. Андрей отлично насвистывал потом его мелодию. А я смог запомнить лишь маленькую частичку марша с такими словами:

*Башни, зубцами
Нам покоритесь!
Гордые девы,
Нам улыбнитесь.*

Несколько дней ходил я, скандируя про себя это четверостишие. Повторял его до тех пор, пока не написал другого — в том же размере. Вот что я написал:

*Взвейтесь кострами,
Синие ночи!
Мы — пионеры,
Дети рабочих.*

Я позаимствовал, следовательно, в «Фаусте» только ритмический ход

для своего текста. А комсомолец Сергей Дешкин — ученик музыкального техникума, которого мы в другой раз взяли с собой на «Фауста», конечно позаимствовал там же музыкальный ход для мелодии, написанной им на мои слова.

Так рождалась первая песня юных пионеров нашей страны.

Александр Жаров

ВЗВЕЙТЕСЬ КОСТРАМИ!

Слова А. Жарова

Взвейтесь кострами,
Синие ночи.
Мы — пионеры,
Дети рабочих.
Близится эра
Светлых годов,
Клич пионера —
Всегда будь готов!

Будем расти мы
Дружной семьей,
Всегда готовы
К труду и бою.
Будем примером
Борьбы и трудов.
Клич пионера —
Всегда будь готов!

Радостным шагом,
С песней веселой
Мы выступаем
За комсомолом.

Близится эра
Светлых годов.
Клич пионеров —
Всегда будь готов!

Грянем мы дружно
Песнь удалую
За пионеров,
Семью мировую.
Будем примером
Юных борцов.
Клич пионера —
Всегда будь готов!

Мы поднимаем
Красное знамя.
Дети рабочих,
Смело за нами!
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера —
Всегда будь готов!

ТИХИЙ ОМУТ

В. Козлов

Рисунки Т. Ксенофонтова

КТО СОТВОРИЛ ЗЕМЛЮ

Домой мать пришла под утро. Не раздеваясь, сунулась на кровать, застланную цветастым лоскутным одеялом, и сразу заснула. А Митька не спал. Он лежал на русской печи и тоскливо смотрел в потолок. Мать то кричит на него, то целует. «Крестись, говорит, не то умрешь от руки господ-бога, как отец!» Ей, говорят, молния, а она... В книжке вычитала, что ли? Откуда она принесла эту толстую старую книгу в потертом кожаном переплете? По нескольку раз перечитывала каждую страницу. Прочитает, перевернет и, наморщив лоб, губами шевелит. Нужно несколько раз ее окликнуть, прежде чем отзовется.

Уходя из дома, мать убирала книгу в правый ящик комода. Митька свесился с печи и посмотрел на комод — ключ торчит в скважине. Спрыгнул на пол и, озираясь на спящую мать, достал книгу. Тяжелая. На толстом кожаном переплете написано: «Библия». Митька раскрыл книгу и прочитал: «Первая книга Моисеева. Бытие. Глава первая. В начале сотворил Бог небо и землю. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму — ночью...»

«Чепуха какая-то, — подумал Митька. — Бог сотворил землю! Напишут ведь такое!

Продолжение. См. «Костер» № 4, 1961 г.

Не бог землю создал, а сама она образовалась. И людей не бог создал, а от обезьяны они произошли...» Попробовал Митька дальше читать и совсем запутался. Какие-то непонятные уму-разуму слова написаны.

Маленький, взъерошенный Митька стоял посередине избы с тяжелой «Библией» в руках и точь-в-точь, как мать, морщил лоб.

— Чепуха, — вслух сказал он.

— Это божья правда, сынок...

Митька вздрогнул и оглянулся: на кровати сидела мать и смотрела на него.

— Вранье тут, — ткнул в книгу пальцем Митька. — Ты не читай... Тут ни одного слова правды нет. И где ты достала эту штуку?

— Митенька, — сказала мать, — не говори так. Бог не дремлет — все слышит.

— Вранье! — упрямо сказал Митька и стал собираться в школу.

— Что так рано? — спросила мать. — Я еще печку не топила.

Митька не стал дожидаться завтрака. Ему захотелось поскорее уйти из дому. В голове был ералаш. В большой толстой книге печатными буквами написано, что есть бог... И мать, и тетка Лиза, и дед Андрон — все говорят, что есть бог. А в школе еще в первом классе объяснили, что никакого бога нет. И в учебниках печатными буквами написано, что бога нет и никогда не было. Бога выду-

мали первобытные люди. И зачем только выдумали?!

Опять Митька географию не выучил. Упражнение переписал, примеры решил, а географию отложил на вечер. Вечером захотелось попробовать, как режет ножик. Взял тонкое полено и стал вырезать Буратино. Увлёкся и совсем про географию забыл. А Вера Павловна обязательно вызовет. У кого двойка — того она каждый урок спрашивает.

Вера Павловна спросила. Митька столбом встал и уставился на портрет знаменитого путешественника Миклухо-Маклая. На носу знаменитого путешественника сидела большая муха и чистила задними ножками крылья. «Интересно, если из резинки пульнуть — попадешь в муху или нет? — подумал Митька. — Промажешь. Больно далеко».

— В прошлый раз ты не ответил, кто обитает в тундре, — сухо проговорила Вера Павловна. — Надеюсь, теперь ты знаешь?

Митька продолжал пристально смотреть на портрет. Муха перебралась с носа на лоб и засуетилась, забегала.

— Итак, расскажи о растительном и животном мире тундры.

Митька слышал, как за его спиной шептались ребята, слышал, как что-то бубнил Огурец, и снова непонятная злость поднималась в нем. Он толком не мог разобраться, что и кто его возмущает. Ведь он виноват сам. Почему не выучил уроки? Знал, что «Верушка» спросит!

— Нет в тундре никакого мира, — сказал Митька. — Там один лед... и мох-лишайник.

— Ты не читал учебник? — спросила учительница.

И тут Митька ни с того, ни с сего брякнул: — А чего его читать? В учебниках все навроно... Бог создал тундру и зверей тоже.

Ребята засмеялись. Учительница тоже засмеялась. У нее не только щеки, даже шея покраснела от смеха.

— Ну знаешь, это... это уже слишком, — сказала она. — Не притворяйся, Митя, ведь ты сам понимаешь, что говоришь чушь... Бог остался в сознании темных людей. Бог — это пережиток.

Это верно. Митька знал, что несет чепуху. Лешего и водяного он еще побаивался и к вечеру немного верил в их существование, но в бога он не верил. Однако, сорвавшись с узды, уже не мог остановиться.

— Пережиток, говорите, а вот землю сотворил, — сказал Митька. — И день сотворил и ночь... И тундру! Я сам читал про это.

В классе засмеялись еще громче, захлопали крышками парт, застучали ногами.

— Перекрестись, Лесник!

— Аминь, Лесник!

Митька стоял, упрямо нагнув голову, и заталкивал промакашку в чернильницу. Он видел смеющиеся лица ребят, Веру Павловну, которая старалась придать своему лицу серьезное выражение. Видел светлые изумленные Степкины глаза. Он один не смеялся. И Митьке вдруг захотелось удрать из класса. Удрать куда глаза глядят...

— Садись, — сказала Вера Павловна. — Не понимаю, что с тобой. Кто же все-таки расскажет про тундру?..

На перемене ребята окружили Митьку и стали его дразнить. Особенно усердствовал Петька Огурец.

— Митька-Богомол! Митька-Богомол! — тараторил он, приплясывая вокруг Лесника.

— Заткнись! — посоветовал Митька.

Но Огурец еще больше стал кривляться. Он разевал свой широкий рот, тряс вытянутой головой, на которой росли жесткие коричневые волосы.

— Умора! — голосил он. — Бог тундру создал... Ой, держите меня-я!

Митька развернулся и треснул Огурца по оттопыренному уху. Ухо сначала побелело, как снег, потом стало наливаться кровью.

— Ты чего это, Богомол? — всхлипнул Петька. — Гляди, как врежу...

Митька, не дав ему договорить, вlepил еще одну затрещину. Огурец заморгал, слезы горошинами покатались из глаз, губы задрожали и разъехались к ушам.

— Погоди-и, — на весь класс заголосил он. — Тебе сейчас бу-удеет-ет...

Повернулся и побежал в учительскую.

Следующий урок — история. Этот предмет вел директор школы Сан Саныч. Митька с удовлетворением посматривал на красное ухо Огурца, но в сердце притаилась тревога. И точно, Сан Саныч сказал:

— Какая тебя сегодня муха укусила?

— Пускай не дразнится... — буркнул Митька.

— А зачем кулаки в ход пускаешь?

— Ябеда он — вот кто!

Сан Саныч нахмурился.

— Дерзок ты, однако, — сказал он. — Две двойки по географии. Драка. После уроков зайдешь ко мне.

— Будешь знать, как драться, Богомол! — тихонько злорадствовал за спиной Огурец. — Сан Саныч тебе пропишет...

— Огурец-подлец! — негромко сказал Степка и глухо бухнул кулаком в Петькину спину.

Петька икнул и сразу прикусил язык. На Тритона-Харитона он ябедничать не решился.

ЧЕРТОВА СВАДЬБА

Прошло два дня. Митька обозлился на ребят и ни с кем не разговаривал. Степка звал его в футбол играть, Митька отказывался. И Тритон-Харитон перестал звать. А погонять мяч по зеленому лугу Митьке хотелось...

Заканчивался последний урок. Сан Саныч рассказывал об искусственных спутниках и разных планетах. Митька беспокойно вертелся за партой, поглядывал на дверь. Что-то долго нет звонка. Как только урок кончится, нужно быстрее улизнуть. Главное проскочить мимо Сан Саныча...

В коридоре чуть слышно звякнуло. Это сторожиха тетя Матрена взяла с табуретки звонок. Сан Саныч взглянул на часы и захлопнул журнал. Митька, избегая его взгляда, нагнул голову к самой парте.

— Ты передал матери? — спросил директор. Митька кивнул.

— Почему же она не пришла?

— Кто ее знает... Дела.

После драки с Огурцом директор велел Митьке сказать матери, чтобы она пришла в школу. Митька матери ничего не говорил, все тянул, надеясь, что Сан Саныч забудет. А он не забыл. Уже второй раз напоминает.

— Да вы не волнуйтесь — придет... — глядя в сторону, произнес Митька.

Сан Саныч посмотрел на него и сказал:

— Виляешь, дружок... Без матери можешь в школу не приходиться.

— И не приду, — под нос пробурчал Митька. Но Сан Саныч услышал.

— Хочешь, чтобы я сам к тебе домой пришел? — спросил он.

— У нас дома никого не бывает, — сказал Митька. — Мать в лесу, а я...

— А ты? — заинтересовался Сан Саныч. — Где же ты бываешь?

Митька угрюмо посмотрел на директора, промолчал.

— Не пойму, я тебя, дружок, — сказал Сан Саныч.

— Можно идти? — сказал Митька.

— Иди.

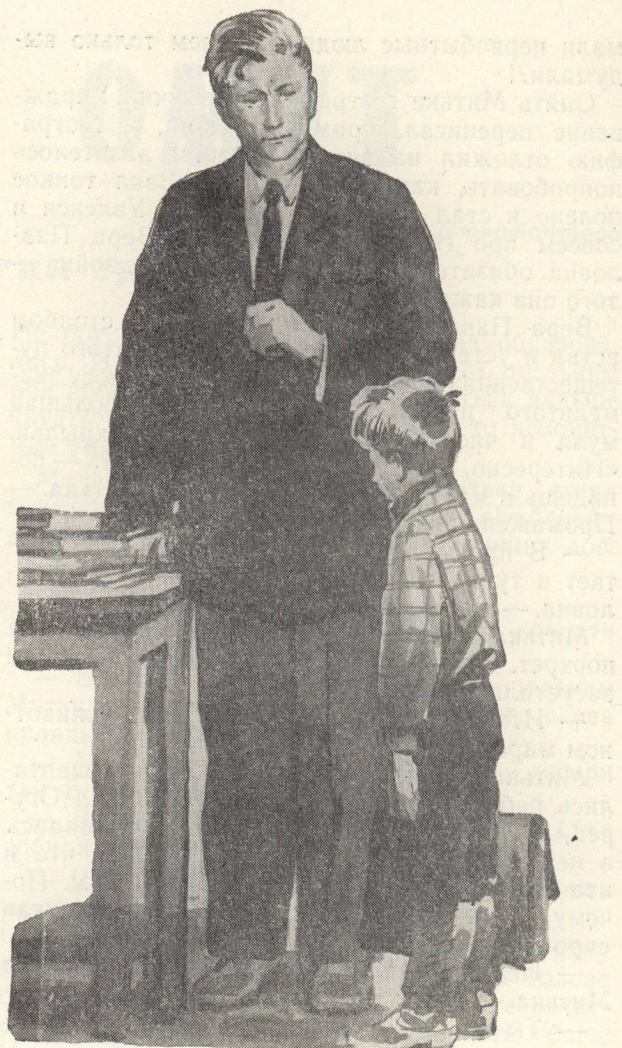
Митька вышел на улицу. У забора стояли ребята и договаривались со Степкой насчет футбола.

— Через два часа приду, — говорил Тритон-Харитон. — Раньше ничего не выйдет. Дрова надо пилить...

Митька, небрежно помахивая раскрытым портфелем, прошел мимо них.

— Лесник! — окликнул его Степка. — Будешь в футбол?

— Можно, — помолчав для приличия, ска-

зал Митька и повернулся к ребятам: — Только быстрее пообедайте... А то уйду.

Мальчишки разошлись по домам.

Митька и Степка шагали рядом, молчали.

— Зря, ты, Лесник, в бутылку лезешь, — наконец сказал Тритон-Харитон.

Митька ничего не ответил. Он ни одного слова не сказал до самого Степкиного дома. Взял мяч и направился к калитке.

— Если я не приду, — вслед ему крикнул Степка, — отдай мяч Сереге Орлову!

— Не бойся, не пропадет твой мяч, — не оборачиваясь, ответил Митька.

— Я и не боюсь, — сказал Степка и скрылся в сених.

Игра без Тритона-Харитона что-то не ладилась. Команды спорили после каждого забитого гола. Капитанов никто не слушался. Один раз чуть не подрались из-за штрафного мяча. Хорошо, что Серега Орлов промазал, а то быть бы драке. А Степки все не было...

И все-таки по домам разошлись в сумерках. Опять на небе не видно звезд, и луна куда-то запряталась. Даже отсюда, с Козьего луга, слышно, как ветер раскачивает деревья. Они скрипят и противно стонут. Но когда Митька вступил в рощу, березы замолчали, будто нарочно притаились. И в этом молчании была какая-то настороженность. Придорожные кусты бросали на тропинку густую тень. В тени что-то шевелилось. А что это внизу — белое — разлеглось на тропинке? Митька остановился. И сразу услышал ночные шорохи: какой-то жалобный писк, невидимый взмах больших крыльев, царапанье острых когтей о кору. Это все не страшно. Это птицы ворошатся в гнездах. Не спуская глаз с белого предмета, Митька двинулся дальше. Что же это такое? В лицо дунул ветер, белый предмет зашевелился и, шурша, продвинулся навстречу. Газета.

Не успел Митька дух перевести, как позади послышалось: «Топ-топ-топ!» Митька на всякий случай перекрестился и, втянув голову в плечи, припустил во весь дух по тропинке.

«Топ-топ-топ!» — догоняли сзади.

Митька еще сильнее заработал ногами.

— Лесник! — услышал он приглушенный Степкин голос. — Погоди-и!

— Это ты? — сердито спросил Митька. — Топают, как жирафа какая-нибудь...

Тритон-Харитон молча шлепнулся на землю и, задрав ногу к самому носу, стал осматривать ее.

— Вот он, гад, — сказал он. — Сучок! Пока тебя догонял... Ну и драпал ты, как на соревнованиях! Думал, разбойники?

— Холодно стало... Дай, думаю, разогреюсь.

— Ты же в футбол играл. Разогрелся.

— Какая это была игра, — сказал Митька. — Жилили все время... Чего это у тебя за паузой? — спросил он.

— Силок смастерил... Потому и играть не пришел. — Степка встал и притопнул пяткой. — Будет у нас, Лесник, филин! Я знаю, где он, ушастая образина, хоронится.

— Где? — заинтересовался Митька.

— На старой мельнице. Мышами промышляет. Надо накрыть, пока еще не совсем стемнело, а то ночью может глаза выцарапать.

— А как мы его впотемках увидим?

— Увидим, — сказал Степка. — У филина глазищи в темноте, как фонари, светят.

Митька стал чесать нос. Он не знал, что делать. На мельницу идти не хотелось — страшновато. А не пойдешь, Тритон-Харитон сразу догадается, что струсил.

— Пошли, — без особого воодушевления согласился Митька. — А вообще-то он клювом может долбануть, — будь здоров!

Когда подошли к мельнице, из-за лохматых облаков наконец выглянула луна. Круглая и яркая. Сразу посветлело. Листья на березах стали отчетливыми, а сосновые иглы засияли. По черной воде пробежали серебристые блики. На берег косо упала густая неровная тень от плотины. На дырявой крыше малахитом засияла дранка. Вблизи мельница была не так таинственна, как издали. Где-то далеко внизу билась в глубоком мельничном колодце вода. Она плескалась, глухо ворчала. Степка отодвинул хлесткие упругие ветви ивы и ступил на первую перекосившуюся ступеньку.

— Ой, там свет! — воскликнул Митька, стоявший сзади.

Степка прыгнул и попятился от крыльца.

— Врешь!

— Гляди.

Сквозь щель между бревнами пробивался тоненький неровный лучик. Степка потянул за клок старой пакли, и щель стала шире. Донеслось приглушенное невнятное бормотание. Не сговариваясь, мальчики напролом сквозь кусты метнулись к Митькиному дому. Первым остановился Степка. Митька пробежал еще немного и тоже остановился.

— Куда это ты разогнался? — спросил Тритон-Харитон, тяжело дыша.

Митька подошел к нему.

— Ты сам припустил ой-ёй, — возразил он.

Митька ощущал, как толкалось в его плечо Степкино сердце. А свое бухало где-то в пятках.

— Интересно, откуда там взялся свет? — сказал Степка. — Померещилось?

— Там живут черти и водяной, — прошептал Митька. — Бежим!

Внутри мельницы вдруг послышалось тихое пение. Непонятное, жуткое. И луна, словно испугавшись, снова нырнула за плотное облако. Стало темно. В этой темноте исчезли Степка, мельница, река.

— Степка, это точно черти! — Митька поймал приятеля за рукав. — У них свадьба.

— Черти не поют, — хрипло прошептал Степка. — Поют русалки и как их... сирены. Я читал.

— А русалки, думаешь, ерунда? — сказал Митька. — Они тоже не дай бог.

Из рваного облака выплыла луна. И опять черные тени уползли, рассеялись.

— Погляжу, — сказал Степка, не двигаясь с места.

— Не лезь ты лучше туда, слышишь!

— Пусти.

Степка вырвал руку из цепких Митькиных пальцев, опустил на колени и пополз. Лохматая Степкина голова пропала в высокой траве и снова вынырнула у самого крыльца. Согнувшись почти пополам, он поднялся на крыльцо и приткнулся к дверной щели. Митька, взведенный, как пружина, стоял ни жив ни мертв.

Степка повернулся, поманил к себе Митьку. Тот отрицательно покачал головой и отодвинулся в тень. Тогда Тритон-Харитон встал и спокойно подошел к приятелю.

— Не черти это, — сказал он, — и не русалки... Там твоя мамка.

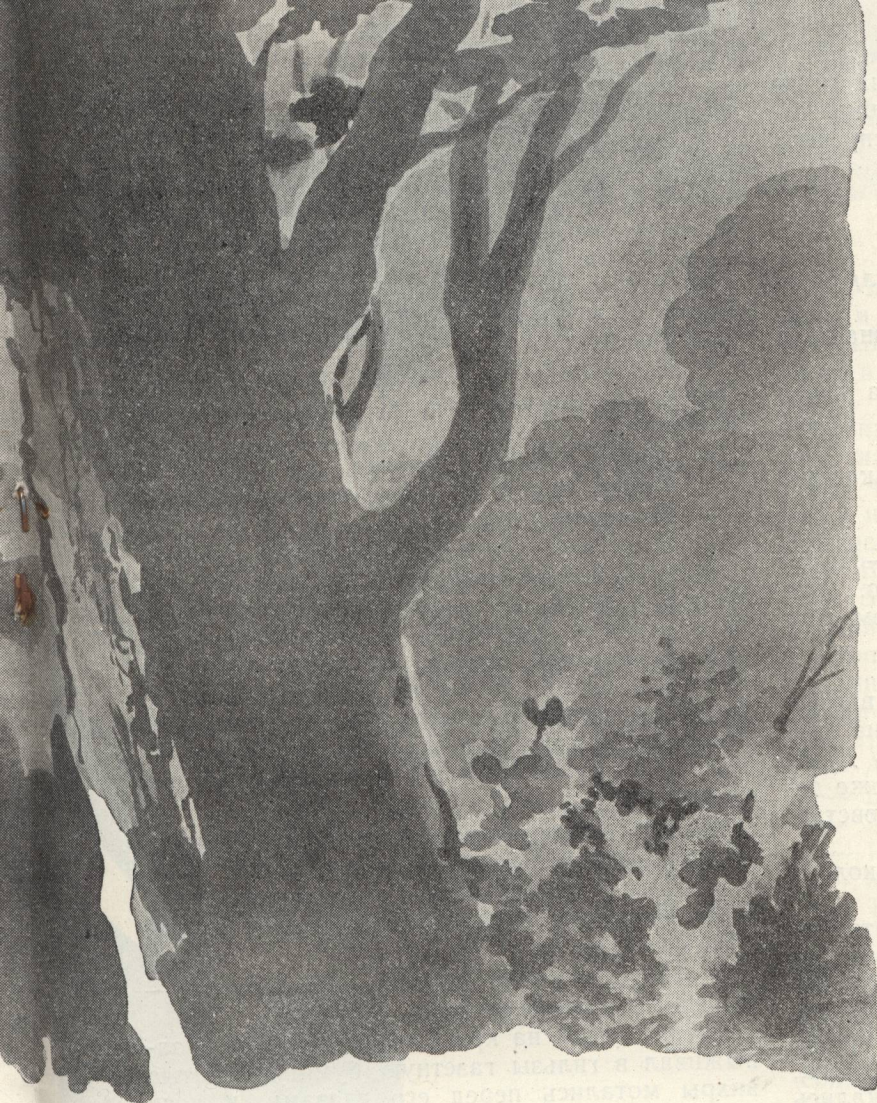
— Мамка?! — Митька обалдело уставился на Степку. — Чего она там делает?

— Иди погляди.

— Брехун ты, Тритон-Харитон... Моя мамка дома.

— Да ты не бойсь. — Степка за руку потащил Митьку к мельнице. — Погляди сам, какой я брехун.

Пение прекратилось. Теперь доносились пронзительные завывания. Ребята подкрались к окну, неплотно закрытому ставней, заглянули в узкую щель. Сначала Митька ничего не понял. Какие-то черные угловатые тени метались по голым бревенчатым стенам, по потолку. В углах чадили длинные тонкие свечи. Посередине сидел (Митька даже глаза протер — не померещилось ли?) знакомый рыбак. Он вытянул руки вверх и, задрвав бороденку, глядел в потолок. Вокруг него, заламывая над головой руки, ползали на коленях люди в черном. Они разевали рты, взвизгивали. Среди них была мать. Она елозила коленями по своему черному кружевному платку, вся тряслась, и тяжелая, растрепанная коса ее волочилась по полу. Красивое лицо

матери уродливо исказилось, в вытаращенных глазах — что-то незнакомое, страшное.

У Митьки все поплыло перед глазами. Рыбак с задранной в потолок бородой вдруг опрокинулся, завертелся. Люди в черном закувыркались, как клоуны в цирке. Митька, зажмурив глаза, оттолкнулся руками от стены и упал в мокрую траву.

— Лесник! — приподнял его за плечи Степка. — Ты чего скovyрнулся? Знаешь, что они делают?

ОДИНОЧЕСТВО

— О чем думаешь? — утром сказала мать. — В школу опоздаешь, горе мое луковое.

Митька взял с лавки портфель и направился к двери.

— Книжки на столе забыл, — напомнила мать. — Что с тобой нынче?

Митька не слышал. Он все еще видел большие ужасные глаза матери...

— Мама! — тоненько крикнул Митька. — Мамочка-а-а!

Он вскочил и изо всей силы стукнул кулаком в ставень. В ребро ладони впилась заноза, но он даже не почувствовал боли. Уткнулся носом в траву и заплакал навзрыд.

— Мить, ну чего ты? — горячо задышал в затылок Степка. — Брось ты, Мить...

— Она... — всхлипывал Митька. — Она умрет? Да?

— Не-е, не умрет, — сказал Степка, — они так своему богу молятся. Это трясуны-сектанты. Папа рассказывал. Они еще хуже чертей.

— Врешь, — вцепился в его рубаху Митька. — Врешь ты все, Тритон-Харитон! Там нет моей мамки!

— Ты чего, ослеп? — удивился Степка. — Иди еще раз погляди.

— Это вовсе не мамка моя!

— А кто же?

— Замолчи, а то в рожу дам! — заорал Митька и, ломая кусты, царапая об ветви лицо, бросился бежать вдоль берега. Его рубаха белым пятном мелькнула на мосту и сразу пропала, растворилась в тени дома.

Степка немного постоял у окна, за которым все еще бесились трясуны-сектанты, и тоже подошел к мостику. Поравнявшись с Митькиным домом, негромко окликнул:

— Лесник!

Было слышно, как за спиной тревожно, вполголоса переговаривались высокие ели да на смутно белеющем посередине огорода пугале трепетала ветошь.

— Эй, Митька!

Никакого ответа. Тишина.

— Лови сам филина, — негромко сказал Степка и, вытащив из-за пазухи разобранный синок, швырнул его в воронье пугало, крестом растопырившее руки-палки.

не хотелось спрашивать. Он лежал на печке и смотрел в потолок. Ему было страшно.

— Ты часом не заболел, сынок? — спросила мать.

— Здоровый я.

— Молчишь... Обидела?

— Вот еще!

Митька потоптался на пороге и, не глядя на мать, спросил:

— Книжка тут у меня библиотечная на полке лежала... Куда заховала?

— Не помню, сынок, — мать отвела глаза в сторону. — Ты больше не приноси домой книжки... Ну их.

— Не приносить? — опешил Митька. — А что же я читать буду?

— Другие книжки... Хорошие.

— «Библию»? — крикнул Митька. — Не буду я твои книжки читать! Верни мою... или давай тогда деньги... В десятикратном размере надо платить.

— Где я их возьму?

Митька толкнул плечом дверь и вышел. В школу он не пойдет, — Вера Павловна прогонит. А потом он уроки не выучил. Даже в портфель не заглядывал. На речке тоже делать нечего. Чего доброго рыбака повстречает... Вот так рыбак! Колдун...

Митька и не заметил, как вышел к околице села.

Долго бродил он по улицам, старательно обходя школу. Зашел в сельмаг, потолкался там среди людей. Посидел на крыльце, надеясь, что вдруг подойдет дед Андрон. Но дед не шел, — рано. Митька слышал, как в школе прозвенел последний звонок. Ребята, гогоча, как гуси, быстрыми ручейками разбежались по улицам. К своему дому с полевой сумкой прошествовал Тритон-Харитон. Митька (он прятался за забором) хотел его окликнуть, но, вспомнив про мельницу, прикусил язык. Подождал, пока Степка свернул в свой переулок, а потом встал и пошел в школу.

Коридор непривычно пустой. За дверями слышно голосов, скрипа парт. На полу валяются бумажки, раздавленный мел. Проходя мимо учительской, заметил, что дверь неплотно затворена, из щели на пол падала узкая желтая полоса. Митька потянул за ручку, дверь заскрипела, и он переступил порог. Знакомый, строгий вид учительской: на длинном столе высокие стопки тетрадей, свернутые в трубки карты, на высоких шкафах поблескивали никелем наглядные пособия по физике. Спиной к нему, у окна, сидела учительница географии Вера Павловна. Темные глад-

кие волосы были зачесаны за уши и блестели. Она что-то быстро записывала в журнал.

С учительницей Митьке не о чем было разговаривать. Он хотел тихонько выскользнуть за дверь, но тут Вера Павловна обернулась. Лицо хмурое, озабоченное.

— Это ты? — спросила она.

«А кто же? — подумал Митька. — Будто не видишь». А вслух сказал:

— Погятно. Я.

— Гуляешь? Две двойки по географии... Двойка по дисциплине. И один прогул. Не много ли?

— Много, — сказал Митька.

— Каким тоном со мной разговариваешь?

— Обыкновенным.

— А ну, вынь руки из карманов!

Митька нехотя повиновался. Вера Павловна стала долго и сердито отчитывать, но он не слушал ее. Подпирая плечом стену, смотрел на большой глобус, что стоял на подоконнике. Тихий океан на глобусе блестел, будто его салом смазали. «А что сказал бог про воду? — вдруг подумал Митька. И вспомнил: — Да будет море и стало море... Вот что сказал бог».

Когда учительница снова повернулась к нему спиной, Митька попятился к двери.

— Да... Что ты у меня спросить хотел? — Вера Павловна захлопнула журнал и поднялась со стула.

— Так... — сказал Митька. — Шел мимо... — И пулей выскочил за дверь.

Степка сидел на крыльце своего дома и запыхивал в гильзы газетную бумагу. Желтые вихры мотались перед его глазами, к носу пристали черные порошинки. Три готовых патрона лежали рядом.

— Полегче колоти, — сказал Митька, — а то жахнет — без пальцев останешься.

Степка ничего не ответил, но колотить ладоншкой по палке стал тише.

На жердине палисадника сидел скворец и уныло косил круглым глазом на Митьку. Скучно скворцу. Осень на дворе. Пора в путь-дорогу собираться...

— Бате патроны готовишь? — спросил Митька. — На глухарей?

Степка положил готовый патрон рядом с другими, взял пустую гильзу, меркой поддел из коробки черного пороха, запыхил войлочным пыжом, потом, этой же меркой, насыпал крупной дроби.

— Я тоже умею... — сказал Митька. — Когда батя пойдет на охоту?

— Для себя готовлю. Я и без бати могу за милую душу охотиться... Не впервой.

Степка, наконец, соизволил взглянуть на Митьку.

— На камне кверху пузом лежал?

— А тебе что, завидно?

Тритон-Харитон бросил палку в коробку с охотничьим хозяйством, сдул с ладоней порох.

— Сан Саныч спрашивал, где ты... Вот увидишь, домой придет.

Митьке не хотелось распространяться на эту тему. Он присел рядом на ступеньку и сказал:

— Жди, так и даст тебе батя ружье!

— Даст, — уверенно сказал Степка. — Знаешь, как я здорово стреляю? Могу слету крикуну срезать.

Митька ухмыльнулся: мол, ври-ври...

— Мне батя раз дал выстрелить на озере — шпок и утка!

— Шпок — и мимо! — сказал Митька. — Ты даже в небо-то не попадешь... А то — шпок и утка!

Степка заерзал на ступеньке, засопел. Светлые глаза его сузились, как у кошки. Митька знал, что Тритон-Харитон не врет, но такое уж у него скверное сегодня настроение было. Хотелось позлить приятеля.

— Вру? — спросил Степка.

— Врешь, — сказал Митька и на всякий случай отодвинулся.

Степка поднялся и направился в сени. Через минуту вышел с охотничьим ружьем. Разломил его пополам, вложил патрон и стал озираться: во что бы пальнуть.

— А батя? — спросил Митька.

— В поселковом.

— Может, в лес?

— И здесь хорошо...

— Услышат! — всполошился Митька.

— Тебе-то что? Мне ведь попадет, — усмехнулся Степка. — Полезем на чердак. Там никто не увидит.

По лестнице они забрались на чердак. Тут темно и пыльно. Пахло мышами и прелой кожей. Единственное круглое окошко было высоко. Пододвинули ящик с каким-то хламом. Сначала в окошко посмотрел Степка, но никакой цели не обнаружил. Митька тоже долго вертел головой: ничего подходящего. Одни крыши. Ага, есть цель! Метрах в двадцати на кирпичной трубе стояло закоптевшее ведро.

— Ишь, кто-то додумался! — сказал Митька. — Ведро взгромоздили.

— Это чтобы тяга лучше была.

— Весь вид портит, — сказал Митька. — Пали в ведро!

Степка просунул в окошко двустволку и, прижавшись щекой к прикладу, стал целиться. Митька весь напрягся, ожидая выстрела, даже глаза закрыл. Наконец оглушительно бабахнуло. Что-то затрещало, загрохотало. С потолка посыпались на голову пыль, какие-то щепки, едко запахло порохом. Митька открыл глаза: Степки на ящике не было. Он с двустволкой в руках стоял на коленях возле опрокинутого ящика.

— Чего это ты? — удивился Митька.

— Пороху, видно, переложил... — сказал Степка, морщась и потирая плечо. — Ну и двинуло!

— Попал?

Степка ничего не ответил. Митька перевернул ящик, осторожно взобрался на него и выглянул из окошка. На трубе ведра не было.

— Ну как? — спросил Тритон-Харитон.

— Думаешь, я бы не попал? — сказал Митька.

Степка вытащил из кармана патрон и зарядил.

— На, стреляй!

Митька взял ружье и просунул ствол в окошко. «Может, он и в этот патрон пороху переложил... — подумал Митька. — Саданет прикладом — костей не соберешь!»

— Куда стрелять-то? — спросил он.

— Куда хочешь.

Митька две долгих минуты смотрел на крошечную мушку, но нажать на курок так и не решился. Спрыгнул с ящика и протянул Степке ружье:

— Чего попусту палить-то? Вот если бы...

— Ладно, — сказал Тритон-Харитон. — Если бы да кабы... Полезли долой!

— Степ, — спускаясь вслед за приятелем по шаткой лестнице, сказал Митька, — я спрятал силок... Тот, что ты в огород бросил.

Степка что-то промычал в ответ.

— Хороший силок, — сказал Митька.

— А филин?

— Что филин? — не понял Митька.

— Думаешь, он тоже вместе с ними богу молится? — сказал Степка. — Улетел.

Митька нахмурился и замолчал.

— Пойдем на Козий луг? — спросил Тритон-Харитон. Он полил себе на взерошенную голову из умывальника, причесал свои жесткие выющиеся волосы гребнем. Захватив мяч, они вышли на улицу.

— Гляди, кто стоит! — толкнул в бок приятеля Митька.

Возле ворот соседнего дома стояла тетка Лиза-Головастик и подозрительно смотрела на ребят. В руках она держала изрешеченное дробью ведро.

НА КРЮЧКЕ

Всю ночь по листьям деревьев, по крыше барабанил дождь. Из окна было видно, как колыхался меж берегов плотный белый туман. Будто облака спустились с неба на Калинку.

Мать поднялась рано. Полежав немного, встал и Митька.

— Небось, после такого дождя грибов прорва, — сказала мать. — Сходили бы после школы в лес... Не надоело вам этот футбол гонять?

— Не пойду, — отмахнулся Митька. — Мокро. Темно.

Мать затопила печку, в огонь поставила большой чугунок. Когда вода нагрелась, ножом отогнула ржавый гвоздь и отворила дверь в другую комнату, в которую со смерти отца никто не заглядывал. Митька, удивленно подняв брови, смотрел на мать. Она взяла тряпку, ведро с теплой водой и все это отнесла в комнату.

— Ты чего это вздумала? — удивился Митька. — Нам и тут не тесно.

Мать молча терла мокрой тряпкой крашенные половицы. Митька переступил порог отцовской комнаты. Здесь все так же, как было при отце. Большой незастланный дубовый стол, резная крашенная этажерка с книгами и газетами, сундук, в котором хранились охотничьи припасы, на стене двустволка, а под ней — переломленные пополам высокие болотные сапоги. Толстый слой серой пыли лежал на всех вешах. И запах в комнате был спертый, нежилой.

— Теперь тут будем жить? — тихо спросил Митька.

Мать выжала в ведро грязную тряпку, ладонью отодвинула с глаз черную прядь и сказала:

— Квартиранта я надумала пустить, сынок... Все будет веселее.

Голос у матери виноватый, глаза грустные, усталые. Левая бровь подергивается.

— Это же папина комната, — нахмурился Митька.

— А чего ей пустовать?

— Папина комната, — упрямо повторил Митька.

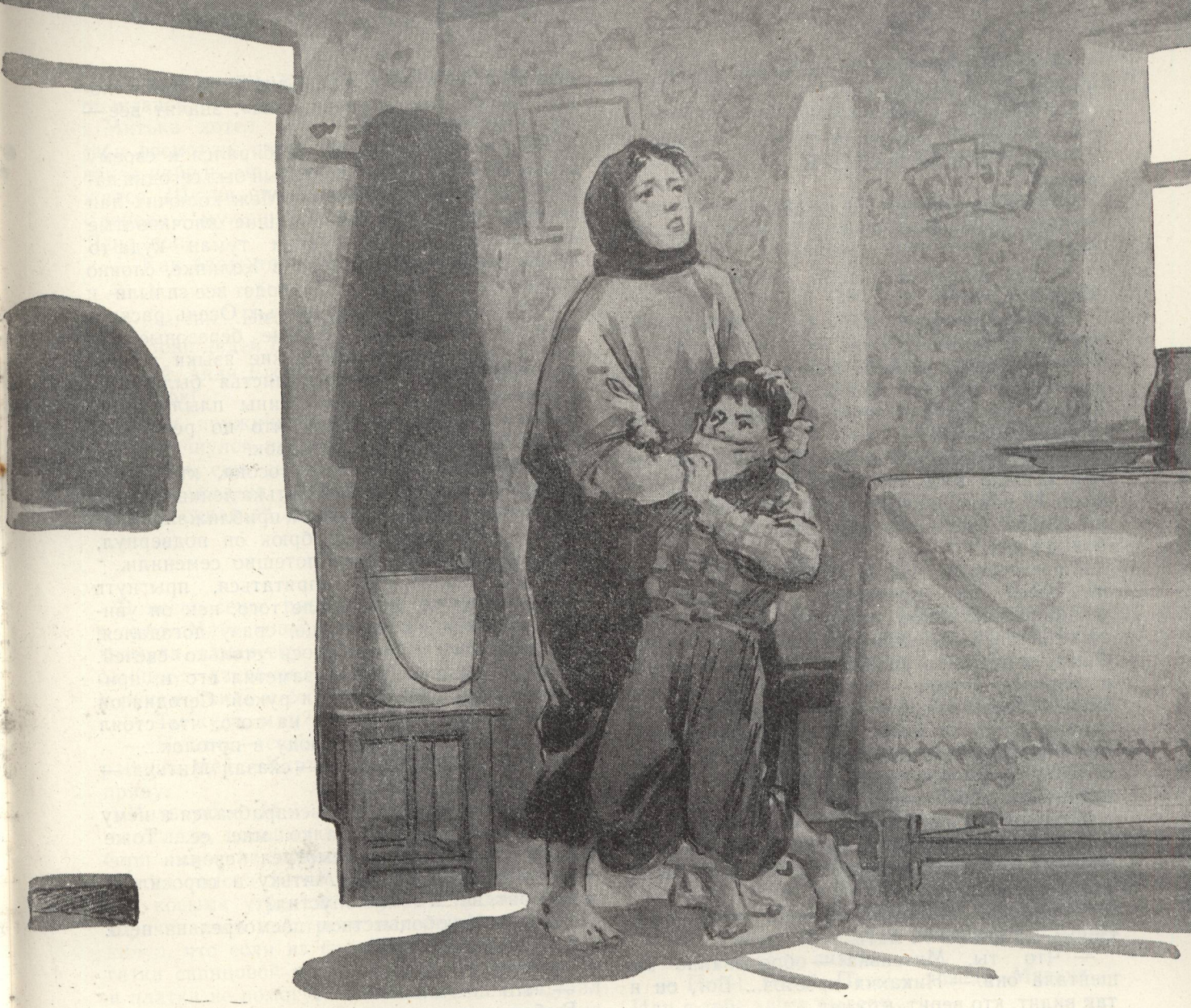
Мать ничего не ответила. Опустившись на колено, она с силой стала тереть тряпкой пол.

Митька слонялся из угла в угол. С матерью больше не спорил, но в душе его поселилась какая-то непонятная тревога. О квартиранте он скоро позабыл, но тревога осталась. Митька вспомнил: школа! Так он и не сказал матери, что ему не велено без нее являться в школу.

Мать тем временем вымыла полы, застелила стол белой льняной скатертью, повесила на окно чистые занавески. «Как старается... — неприязненно подумал Митька и вдруг решил: — Скажу... Про школу скажу».

Мать достала из печки сковородку с жареной картошкой, принесла из сеней молоко.

— Ешь, — сказала она, крупными ломтями кромсая хлеб.

— Неохота, — отвернулся Митька.
Мать бросила вилку на стол, уставилась на сына.
— Не зли меня...
— Мне без тебя в школу не велено приходить, — сказал Митька, исподлобья глядя на мать.
— Подрался?
— Придешь — узнаешь.
Он ожидал, что мать рассердится, раскричится на весь дом и даже ремнем выдерет, но ничего подобного не случилось. Мать не нахмурилась, не встала из-за стола, даже не посмотрела в угол, где на гвозде по старой памяти висел широкий отцовский ремень. Она

ела картошку и, кажется, не собиралась Митьку ругать.

— Хочешь, яичек сварю? — сказала мать. — Худой ты... Одни глаза остались.

Она под села к нему и погладила рукой по голове. Рука была холодная, шершавая.

— Один ты у меня, сынок.

Голос у матери тихий, ласковый. И Митька почувствовал, как недавняя злость и недовольство стали улечиваться. Но он держался, стараясь не поддаваться на ласку.

— Чего вы по ночам на мельнице делаете? — строго спросил он, постукивая вилкой по сковородке. — Богу молитесь, да?

— Молимся, Митенька.

— А почему трясетесь и орете страшными голосами? Так надо, да?

— Это дух святой нисходит на нас.

— А как он нисходит? С неба, что ли?

— Дух святой везде... И на небесах и на земле.

— А почему люди его не видят?

Мать взъерошила Митьке волосы, подула на них.

— Две макушки у тебя, сынок... К добру это или к худу?

У нее снова задергалась левая бровь, уголки губ опустились, круглый подбородок дрогнул.

— Митенька, родной, окрещу я тебя в новую веру? Вещает мне бог во время святых бдений, что потеряю я тебя, если не примешь водное крещение...

Глаза у матери сначала затуманились, потом влажно засияли. Слеза обожгла Митьке шею. И вдруг жалость острой иглой кольнула сердце. Мать-то у него тоже одна. Никого больше нет.

Он вспомнил, как в прошлом году кто-то из ребят на переменке увидел на шее у Анютки Мосиной крестик. Сколько смеху было. Ребята окружили худую бледноволосую Анюту и давай ее дразнить: «Анюта-Монашка в церковь пошла — бога нашла...» Анютка молча стояла в кругу и тоненькие пальцы ее сучили нитку на юбке. К ней подскочил Огурец и хотел выхватить крестик. Анюта зажала в кулак кофту на груди и не своим голосом кричала: «Не трожь! Меня бабка убьет...»

Конечно, он не Анюта. У него бабки нет, а если бы и была, он бы ее все равно не испугался. Да и Огурцу не спустил бы, если бы он сунулся к нему...

— Небось, и крест мне на шею повешишь? — спросил он мать.

— Что ты, Митенька! — обрадованно зашептала она. — Никаких крестов... Бог, он и так видит, кто верит, кто нет.

— А как же у Анютки был...

— А у тебя не будет. У них другая вера, сынок... другой бог, а у нас новая вера, самая правильная.

— У кого «у вас?» У тебя и у Головастика? — со злостью спросил Митька. — Она набрехала тебе, мам. Она брешет, а ты...

Митька не договорил, мать зажала ему рот рукой и, глядя сразу опустевшими глазами в потолок, зашептала:

— Слышит он... Грех!

— Пускай слышит! — Митька высвободил голову из ее рук. — Не хочу креститься... И точка!

Опять день пропал. Судя по всему, мать в школу не собиралась, а без нее Митьке там

делать было нечего. Сан Саныч твердый человек: сказал «не приходи один», значит все — не приходи...

Митька, ломая осоку, пробирался к своему камню-валуну. Неприветливый был сегодня камень: мокрый и скользкий. Меж колючих лап старых елей застряли большие клочковатые хлопья тумана. А с реки туман куда-то исчез, растворился, и вода в Калинке, словно стала чище, светлее. По воде все плыли и плыли к запруде вялые листья. Осень раскрасила их по-разному. Юркие березовые листочки напоминали маленькие языки пламени. Пятипалые кленовые листья были прозрачно-желтыми. Листья осины плыли стайками, и издали казалось, что по реке движется грязно-зеленый островок.

Зашуршала прибрежная осока, кто-то зашлепал по мелкой воде. Митька лениво повернул голову: к нему с удочкой приближался знакомый рыбак. Штанины брюк он подвернул, и белые волосатые ноги потешно семенили.

Митьке захотелось спрятаться, прыгнуть в воду, уйти на дно. После того, как он увидел «рыбака» на мельнице, сразу догадался, для чего ему понадобилось столько свечей. Но было поздно: рыбак заметил его и, приветливо улыбаясь, помахал рукой. Сегодня он совсем другой. Не похож на того, что стоял на коленях и задира л бороду в потолок...

— Тут рыба не клюет, — сказал Митька. — Вот у запруды, это да!

— Бог с ней, рыбой, — вскарабкался к нему на камень рыбак. — Жалко мне ее... Тоже божья тварь. — Он посмотрел своими треугольными глазами на Митьку и спросил: — Что, брат, нос к земле опустил?

Митька с любопытством посмотрел на него.

— Вы же все знаете.

— Знаю.

— Что знаете?

Рыбак положил удочку, ладонями скрутил бороду в тоненький жгут, хитро улыбнулся: — Мамку обманываешь? Портфель подмышку — и в кусты...

«Знает, — подумал Митька. — Как пить дать колдун...»

Они замолчали. Рыбак нанизал на крючок червя и, свистнув удилищем, забросил.

— Божья, говорите, тварь, — угрюмо усмехнулся Митька, — а ловите...

— Ловлю, брат, — сказал рыбак. — Занятное это дело. Грешен, люблю.

Он с серьезным видом посмотрел на Митьку.

— Это что у тебя?

— Где?

Рыбак небожно прищепил пальцами Митькин нос и удивился:

— Поди ж ты, нос! А я думал — пуговка от штанов...

Митька хотел было сказать, дескать, на себя посмотри: отрасли волосищи, как тетка какая-нибудь, и думает — хорошо, но сдержался. Шутки шутит дядя... Чудак какой-то! Спереди — мужчина, а сзади — женщина. Ясно, поп.

— Как звать-то вас? — спросил Митька.

— А зачем тебе?

— Да так... Вместе рыбачим.

— Зови дядей Егором.

— Эй, дядя Егор!.. — воскликнул Митька. — Поплавок!

Рыбак пружинисто приподнялся с камня, резко качнулся вперед. Штанина на его ноге задралась еще выше, и Митька увидел чуть повыше колена синюю крупную надпись: «Жизнь отдам за Марусю».

ПАРТИЗАНСКАЯ ЗЕМЛЯНКА

В воскресенье рано утром кто-то постучал в окно. Мать живо вскочила с кровати, отодвинула занавеску и кому-то кивнула. Неловко двигаясь, оделась, поплескалась у рукомойника и собралась было уходить.

— Ты куда, мам? — зевая, спросил Митька.

— Нужно, — сказала мать. — Поешь вчерашних шей... Картошка в чугуне. К вечеру приду.

Мать ушла. Митька встал и, продирая сонные глаза, подошел к окну. Так и есть: у забора маячила круглая закутанная в три платка голова тетки Лизы. Голова, освещенная косыми утренними лучами, медленно поворачивалась навстречу матери. Митька прикинул, что если из форточки пульнуть из рогатки свинцовой картечиной в эту голову, то и платки не помогут... Митька даже прищурил левый глаз, предвкушая, как его картечина звонко цокнет Головастика по темени.

Он поставил чугуны на стол. Картошка была холодная, тонкая мокрая шкурка липла к пальцам. Но куда ушла мать? А он, Митька, один, как дурак, торчи в избе. Уж который раз мать оставляет его без обеда. «Поешь, — говорит, — щец холодных...» Да от холодных шей уже рот на сторону воротит!

Митька пополам разломил картофелину и с сердцем бросил ее в чугуны: гнилая!

Злой, встрепанный мотался он по избе, не зная, что делать. Вытряхнул из портфеля на неубранный стол книжки и тетрадки, полистал дневник. По литературе пятерка... Он давно получил ее. Как на крыльях прилетел домой. Протянул матери дневник.

— «Нет, не поп... — подумал Митька. — В бога верит, а не поп». Дядя Егор между тем выдернул из воды крупного красноперого окунька и стал суетливо снимать его с крючка. Окунь мельтешил хвостом, бился в руках.

Дядя Егор уселся на камень, пополоскал в воде испачканные в рыбьей слизи пальцы и долгим взглядом посмотрел Митьке в глаза.

— Знаю, брат, о чем думаешь. — Треугольные глаза жестко в упор смотрели в лицо.

— Прими водное крещение, брат Митрий, — тихо и торжественно сказал дядя Егор. — Так твоей матери и богу угодно...

Ошеломленный Митька сполз с камня в воду и, глядя на дядю Егора широко раскрытыми глазами, попятился в осоку, к берегу. Именно об этом, вот уже с час, неотступно думал он.

— Погляди!

Мать взяла дневник, равнодушным взглядом скользнула по раскрытой странице, на которой красовалась пятерка, спросила:

— Подписать?

— Ага, — чуть не плача, сказал Митька и отвернулся.

Вышел Митька на крыльцо и, усевшись на нижнюю ступеньку, стал дразнить Никанора, ярко-рыжего петуха, с лихо заломленным набок гребнем. Хвост у Никанора напоминал связку разноцветных серпов. Петух был отчаянный драчун. Соперников у него поблизости не водилось, и он налетал на всех: на кошек, собак, людей. Один раз так долбанул Митьку своим железным клювом, что синяк на ноге с неделю сидел.

— Петь! Петь! Петь! — позвал Митька. — Иди я тебе хвост выдеру...

Петух бросил курицам хлебную корку, исклеванную вдоль и поперек и бочком-бочком двинулся к крыльцу. Немного не доходя, остановился, распутив желтый веер крыла, воинственно скребнул по земле шпорой и, высоко подскочив, налетел на Митькину ногу. Но тот ловко пихнул петуха в грудь. Никанор, хлопая крыльями, отлетел, опрокинулся на хвост. Тут же вскочил, стыдливо повел злобыным черным глазом на кур: не заметили ли его позора? И, нагнув голову к самой земле, так что розовые сережки поволочились по пыли, снова стал подступать к Митьке. Огненные перья вокруг шеи распушились, здоровенный клюв полуоткрылся. Прыжок — и снова петух забарахтался в пыли.

— Попало, рыжий дурак? — ликовал Митька.

С другого берега послышался оживленный говор. С крыльца не видно было, кто это идет, но разомлевшему Митьке не хотелось вставать. Он терпеливо ждал, когда люди перейдут мостик. Первым показался на дороге не кто иной, как Тритон-Харитон. Волосы на его голове стояли дыбом и под солнцем огнисто сияли. Синие парусиновые штаны были подвернуты до колен, белая рубаха расстегнута до пупа.

Вслед за ним на дорогу высыпало человек десять ребят, Митькиных одноклассников. «Куда эти-то разбежались? — удивился Митька. — По грибы что ли?»

Ребята, галдя, остановились у калитки.

— Это хорошо, что ты дома, — сказал Степка.

— Зачем я вам понадобился? — с деланным равнодушием спросил Митька.

— Вылазка... — Степка еще ниже перевесился через калитку, пальцами достал задвижку и открыл. Не успел он сделать и трех шагов, как на него налетел Никанор. Тритон-Харитон опустил на корточки и, тараша на петуха озорные светлые глаза, заорал:

— Ку-ка-ре-ку!

Никанор с перепугу так и присел. И глаза прикрыл белой пленкой. Степка преспокойно взял его в руки и забросил на крышу сарая.

— Погуляй, — Тритон-Харитон уселся на ступеньке рядом с Митькой, сплюнул в бочку. — Ты вот что — собирайся... — сказал он. — В общем вылазка в лес.

— Я лучше порыбачу...

— По партизанским местам. В разведку.

— Утром у мельницы здоровая бултыхнула!

Степка подмигнул Никанору, суетливо бегущему по кромке крыши.

— Ничего не поделаешь, — сказал он. — Придется поворачивать оглобли.

— Дорогу-то знаешь? — спросил Митька.

— Забыл, — сказал Степка. — Мы тебя хотели проводником...

Вести отряд к партизанской землянке показалось Митьке заманчивым. Он впереди, как настоящий командир, остальные за ним.

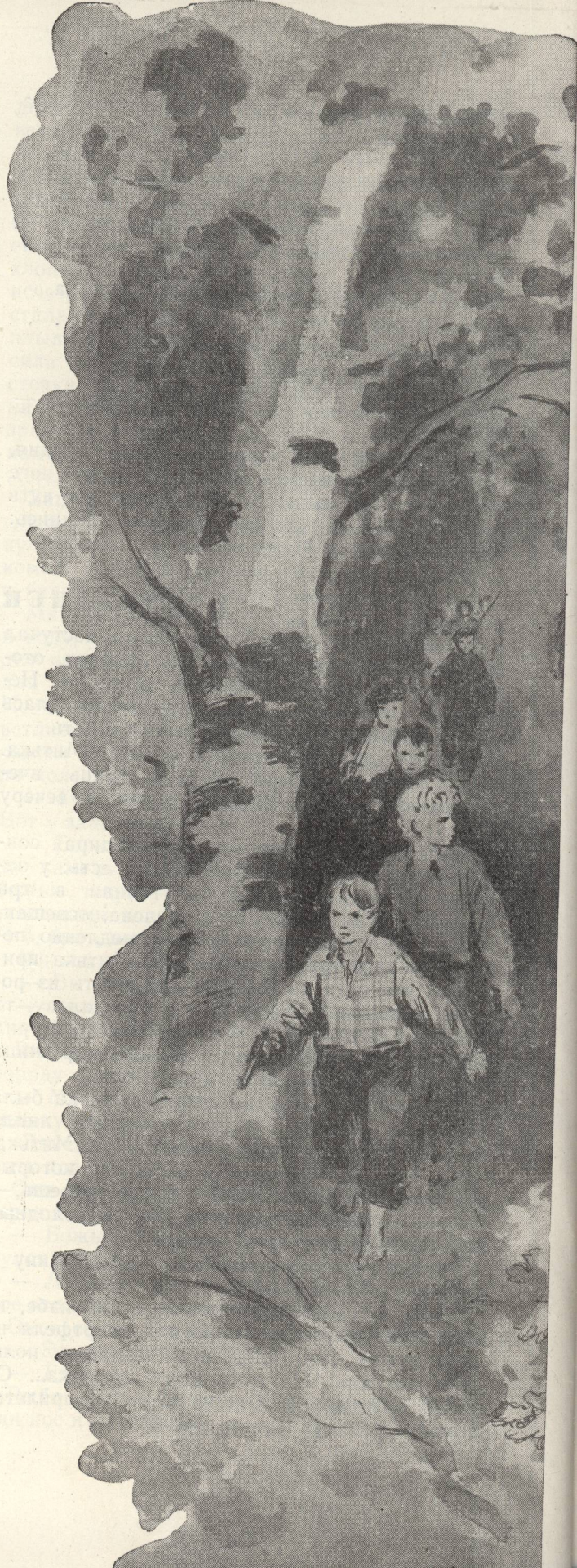
— Я буду командовать, — сказал Митька. — Идет?

— Валяй.

Митька вскочил со ступеньки, юркнул в коридор и через минуту снова появился с башмаками в руках.

— Давай оружие, — сказал он.

Степка достал из глубокого кармана синих штанов тяжелый пистолет. Он хотя был и испорченный, но настоящий. Степка нашел

его на дне лесного ручья. Дня три Степка отмачивал ржавый пистолет в керосине, отчищал наждачной бумагой. После всех этих усилий пистолет, наконец, заблестел. Но стрелять все равно не стал.

Едва вступили под сень деревьев, как сразу стало прохладно. Солнечные лучи с трудом пробивались сквозь мохнатые сосновые ветви. Вернее, не лучи, а желтые дымные столбы наискосок сверху падали на усеянную сухими иглами дорогу. Сосны плотно стояли по обе стороны. Тележные оси ободрали кору до самой древесины. Между колеями рос пыльный подорожник. На его овальных, простроченных белой жилкой листьях чернели маслянистые капельки дегтя.

Из-за кустов показался деревянный мост. Грубо отесанные перила обвалились, на проезжей части чернели провалы. Это тележные колеса продолбили подгнившие доски. Когда-то речка была широкой, а теперь превратилась в светлый ручеек. По берегам стояли невысокие копенки, крытые ветками елок.

Сделали привал. Ребята расселись на краю моста, свесив ноги. В воде меж камней, в тени, стояли темнопинные рыбины и лениво шевелили прозрачными плавниками.

Митька вытащил из кармана пистолет и громко сказал:

— Я иду первым, за мной Степка, Огурец — последний.

— Не хочу последним, — сказал Огурец. — В середине хочу.

— Ты будешь охранять.

— Сам охраняй.

— Прогоним! — пригрозил Тритон-Харитон.

— Я ж охраняю тыл... Чего взъелись? — Огурец сошел с дороги.

Сразу за мостом Митька свернул в лес. Ребята, растянувшись длинной цепочкой, шли за ним след в след. Ноги утопали в мягком мху, кусты то и дело преграждали путь.

Не слыша за собой шагов, Митька оглянулся. Позади никого не было.

— Степка-а! — заорал он. — Эй-й, где вы-ы? Кусты закачались, расступились, и на тропу вышел Степка.

— Сказано было — не отставать! — На Митькином лице выступил румянец.

— Не кричи, — миролюбиво сказал Степка, — змею увидели...

— Командира бросили, а сами...

— Какой ты командир, — усмехнулся Огурец. — Отряд врага уничтожает, а он прет себе и ничего не чувствует.

Митька ничего не ответил. Он только тут увидел, что нет пистолета. Не подавая вида, осмотрелся: пистолет, уткнувшись шербатым дулом в мох, блестел у куста. Митька незаметно подобрал его и спросил:

— Убили?

— Уползла.

До партизанской землянки оставалось километра два. Митька по-прежнему шагал вперед, но теперь поминутно оглядывался на ребят. И когда они, увидев залитую солнцем брусничную полянку, с ходу попадали в пружинистый мох, Митька тоже присоединился к ним. Переспелая, чуть сморщенная, осенняя брусника была сладкой, как варенье. На каждом глянцевом брусничном листочке сверкало солнце.

— Хватит ягодами обжираться, — сказал Степка. — Этак мы никогда не доберемся до места... Эй, командир, веди!

По воротнику Степкиной рубахи ползла букашка, в вихрах запутались желтые сосновые иглы и сучки. Хотя Степка сегодня не командовал, ребята ему все равно подчинились. Даже Огурец, и тот, швырнув напоследок в рот пригоршню брусники, сразу встал и пошел охранять тыл. Степку и не надо выбирать в командиры, он и так у ребят первый командир. Митька понимал, что его слушаются потому, что так Степка захотел, а если бы не было Тритона-Харитона, его в жизнь никто бы не послушался. Какой из Митьки командир? И днем-то ему в лесу не по себе...

Тропка стала чуть заметной. Мох кончился, и кусты сомкнулись, схоронили от глаз тропу. Раздвигая ветви, Митька упрямо продирался вперед. Вот и сосновая опушка. Если встать на середину, лицом к восходу солнца, то справа должна быть огромная сосна с раздвоенным стволом. На этой сосне между двух макушек партизаны оборудовали «НП».

Митька велел ребятам остановиться, а сам, не спеша, вышел на середину опушки. Сухие, выгоревшие на солнце шишки захрустели под ногами.

— Здесь «НП», а лагерь прямо, — громко сказал он.

Продолжение следует

Марчелло Арджилли

Рисунки А. Януса

Министр развалился в кресле. Напротив него, за пишущей машинкой, сидела худая, бледная секретарша. Поправив на носу большие очки в черепаховой оправе, она опустила руки на клавиатуру и приготовилась печатать.

— Пишите! — произнес министр. Секретарша вздрогнула.

— Приказываю уволить рабочих заводов АИА, ОИО, ЭИЭ! В случае протеста, произведи массовый арест. Подпись: Его превосходительство... Дайте сюда, я подпишу...

Секретарша вскочила, подбежала к министру и протянула ему листок, но тут вместо обычного хрюканья в знак одобрения, раздался неистовый крик. Министр даже побаврел от возмущения.

— Мерзавка, чтобы вашего духа здесь больше не было! Убирайтесь вон! Как вы смели?

Испуганная секретарша дрожащими руками взяла листок, взглянула на него и раскрыла рот от удивления — на листке черным по белому было написано: «Приказываю выдать рабочим премию!»

Девушка побелела, как полотно, и пролепетала:

— Ваше превосходительство... я... я никогда не посмела бы... должно быть, это по рассеянности... но клянусь вам, ничего подобного больше не повторится!

Министр долго еще ворчал, но, в конце концов, успокоился и продиктовал снова. Секретарша внимательно выслушала приказ и чрезвычайно точно отпечатала его на машинке. Заглянув снова в листок, она едва не потеряла сознание. Упавшим

голосом секретарша прочла: «В виду того, что я никудышний министр, в интересах страны подаю в отставку. Возвращаю все награбленное мной имущество и ухажу в монастырь. Подпись: Его превосходительство, министр».

Секретарша упала на колени и стала бить себя кулаком в грудь.

— Клянусь вам, я не виновата! — уверяла она. — Я тут ни при чем! Это машинка пишет все наоборот! Ваше превосходительство, поверьте, будьте милостивы!

Министр сжалился, и вместо того, чтобы расстрелять секретаршу, посадил ее в тюрьму. Он взял другую секретаршу, предварительно удостоверясь, что в ее роду на протяжении семи поколений не было ни единого случая правонарушения. Министр пригласил девушку к себе в кабинет и продиктовал приказ. Но, представьте себе, с этой секретаршей произошла точно такая же история, как с предыдущей. И она тоже была арестована.

За короткое время были посажены в тюрьму все машинистки, служащие и даже начальники отделов, ибо как только они принимались печатать на машинке, из-под валика вылетали возмутительные листовки.

Оставшись во всем министерстве один, Его превосходительство решил напечатать приказ собственноручно. Но когда он кончил писать и взял в руки бумагу, глаза его начали лихорадочно вращаться до тех пор, пока не остановились почти вплотную друг к другу. На листке было напечатано: «Я, Его превосходительство, министр, лишил куска хлеба и арестовал сотни невинных тружеников, попираю свободу и демократию, и за это заслуживаю, чтобы меня сию же минуту посадили в тюрьму. Прошу срочно принять меры».

— Неужели я сошел с ума? — пробормотал министр. — Не мог же я сам о себе написать такое! Уж не виновата ли, действительно, во всем эта проклятая машинка?

те меня, расстреляйте, если хотите, но я бросаю работу, иначе я сойду с ума! — кричал он. — Целое утро я провозился с расчетными листками. Согласно вашему распоряжению я сокращал зарплату вдвое, а пишущая машинка, которую вы прислали, наоборот, увеличила ее вдвое! Бухгалтерия в панике!

Тут министр решил прибегнуть к своему излюбленному методу.

Разъяренный министр позвонил директору фирмы, где была куплена машинка, и потребовал объяснений. В министерство сразу же прислали техника. Тот тщательно проверил машинку, даже приподнял ее, чтобы посмотреть, не прячется ли под ней какой-нибудь злой дух, но ничего не обнаружил.

— Машинка в полном порядке, — заявил техник. — Взгляните, Ваше превосходительство, я свободно пишу на ней все, что угодно...

Но министр, словно оглох. Он не желал больше видеть у себя в кабинете злополучную машинку и передал ее в бухгалтерию.

На следующий день, когда все уже забыли о необычайном происшествии, в кабинет министра ворвался главный бухгалтер:

— Ваше превосходительство, арестуйте

— Расстрелять негодную! Уничтожить! — ревел он.

Но случилось так, что в этот самый момент мимо пишущей машинки проходил один из сотрудников бухгалтерии, а так как в машинке торчал листок бумаги, служащий заглянул в него и прочел: «По приказу Его превосходительства министра эта машинка должна быть немедленно доставлена в

тюрьму». Служащий, преисполненный рвения, долго не раздумывая, взял пишущую машинку и отвез ее в тюрьму. Когда вернулся главный бухгалтер, машинки уже не было и в помине.

А из тюрьмы стали выпускать арестованных министерских служащих, вся вина которых состояла лишь в том, что они не хотели подчиняться самоуправству министра.

Жители страны, зная жестокость министра, недоумевали: они никак не могли понять, что значат все эти странные амнистии. Но еще больше удивлялся начальник тюрьмы: каждое утро на его столе появлялся длинный список лиц, которых министр приказывал срочно выпустить из тюрьмы.

Разумеется, едва слух об этом дошел до министра, он распорядился арестовать начальника тюрьмы и уничтожить проклятую машинку. Стали разыскивать ее повсюду, но не нашли. Машинка уже перебралась в редакцию крупной газеты.

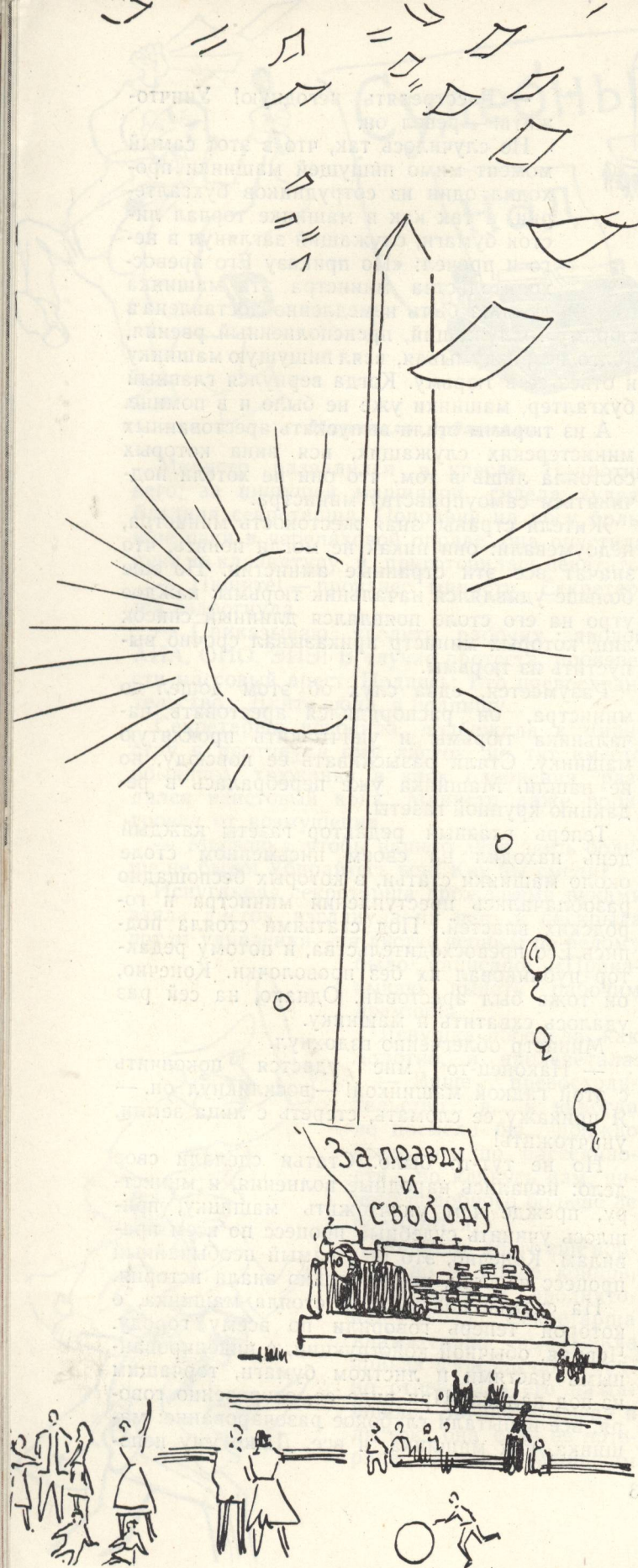
Теперь главный редактор газеты каждый день находил на своем письменном столе около машинки статьи, в которых беспощадно разоблачались преступления министра и городских властей. Под статьями стояла подпись Его превосходительства, и потому редактор публиковал их без проволочки. Конечно, он тоже был арестован. Однако, на сей раз удалось схватить и машинку.

Министр облегченно вздохнул.

— Наконец-то мне удастся покончить с этой гадкой машинкой! — воскликнул он. — Я прикажу ее сломать, стереть с лица земли, уничтожить!

Но не тут-то было. Статьи сделали свое дело: начались народные волнения, и министру, прежде чем уничтожить машинку, пришлось учинить судебный процесс по всем правилам. Конечно, это был самый необычайный процесс из всех, какие только знала история.

На скамье подсудимых стояла машинка, о которой теперь говорили по всему городу. Черная, обычной конструкции, с никелированными частями и листком бумаги, торчащим из-под валика. При виде ее, откровенно говоря, все испытали глубокое разочарование: машинка, как машинка, и все. Даже уму непо-

стижимо, как это ей удалось поднять такую шумиху! И лишь министр смотрел на нее с ненавистью и ликовал в надежде, что ей вынесут смертный приговор.

Но когда судья, разумеется, только для вида, спросил: «Обвиняемая, что вы скажете в свою защиту?», машинка, к всеобщему удивлению, начала печатать, хотя никто не прикасался к ее клавишам.

Ошеломленная толпа хором читала все, что писала машинка — перечень чудовищных злоупотреблений Его превосходительства, о которых знали все, но не решались говорить. Список преступлений министра заполнил много печатных страниц. А когда этот список подошел к концу, машинка добавила:

«Вы поражены, что я пишу, хотя никто не нажимает на мои клавиши. Но разве вам никогда не приходило в голову, что меня создали мысль и руки людей. Стоит ли тогда удивляться, что частичка их души, их жажды справедливости и свободы перешла ко мне? Я ведь пишу только то, что они не решались сказать...»

— Не слушайте ее! Все это враки! — закричал министр, задыхаясь от гнева. Но толпа зашикала на него, а машинка преспокойно продолжала печатать:

«Пусть вас не удивляет мой поступок, я только выполнила свой долг. Разве меня создали не для того, чтобы писать? Значит, я должна писать правду. Так я делала и буду делать!»

Люди, растроганные, начали кричать: «Освободите машинку! Арестуйте министра!», Его превосходительство, окончательно потеряв голову, схватил молоток и со всего размаху ударил им по машинке. Удар пришелся в самое сердце: машинка успела напечатать еще несколько букв и смолкла. Над скамьей подсудимых словно траурный флаг повисла красно-черная лента...

Возмущенный народ бросился на министра, прогнал его и добился, наконец, свободы. Когда затем в почтительном молчании все вернулись к пишущей машинке, то увидели, что перед смертью, своими искривленными клавишами она написала последние слова:

— Друзья, создавайте только полезные и мирные машины, которые будут вам помогать и делать добро...

Люди не забыли самоотверженного поступка пишущей машинки: на центральной площади освобожденного города ей был воздвигнут памятник. И машинка, действительно, заслужила эту честь, ибо всю свою жизнь она героически сражалась и погибла в борьбе за правду и свободу!

Перевела с итальянского Т. Скуй.

О Ч Е Н Ь

М Е Т К И Е

В Ы С Т Р Е Л Ы

Михаил Дудин

Ребята, я хочу вам рассказать о художнике Борисе Ивановиче Пророкове. Вы люди любознательные и дотошливые и наверняка слышали о нем или видели его работы. Мимо них нельзя пройти равнодушно. Они кричат и останавливают и заставляют думать о справедливых отношениях между людьми, заставляют людей раз и навсегда сказать проклятой народом войне — нет!

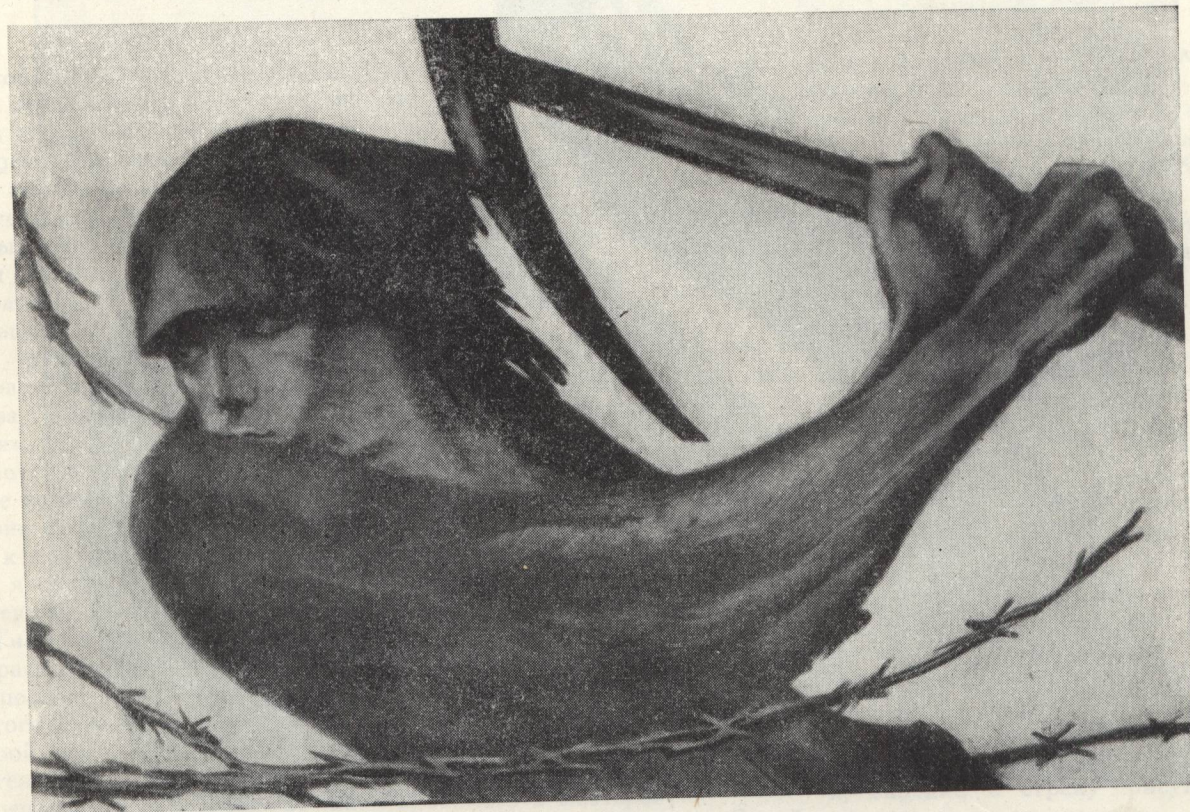
Борис Иванович — человек очень скромный и о своей работе сам говорить не любит, и

не особенно любит, когда говорят о нем. Он считает, что о художнике должны говорить его произведения. И он правильно считает. Можно было бы просто напечатать несколько репродукций и этим ограничиться. Но я знаю, что вам этого мало. Вы хотите знать больше и подробнее. Так что мне придется сейчас пуститься в воспоминания.

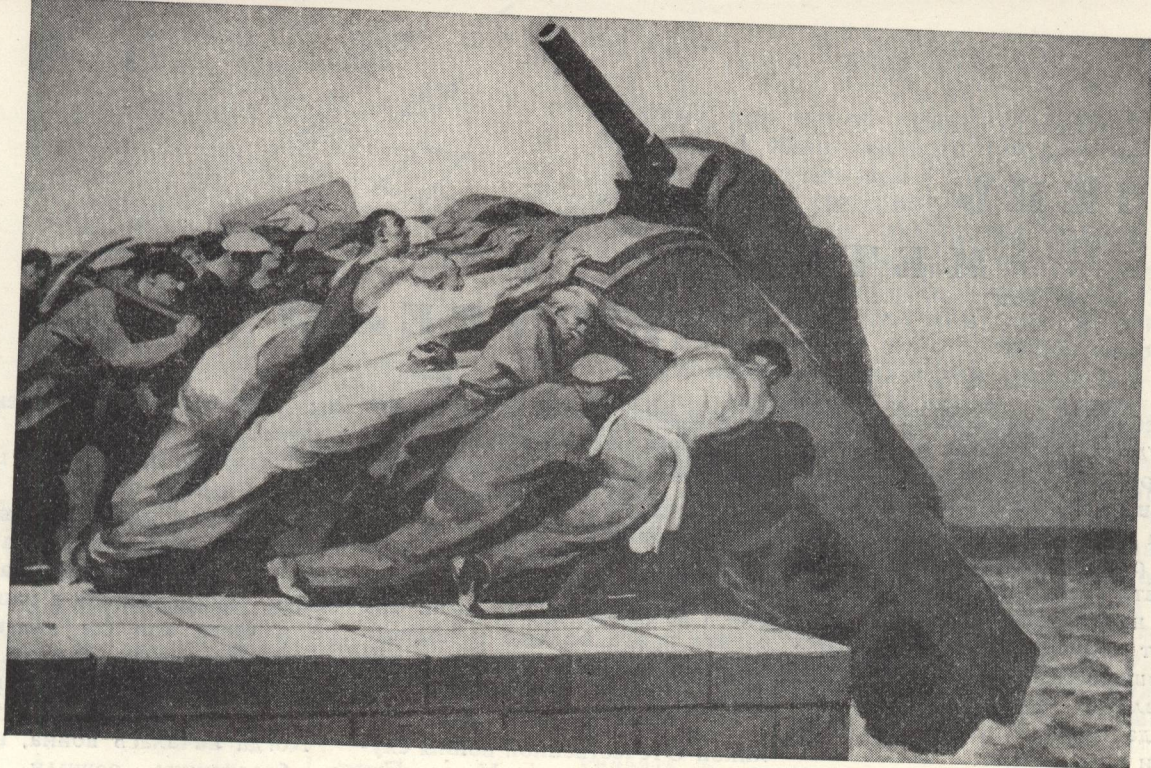
Мне довелось во время Великой Отечественной войны служить на полуострове Ханко. Посмотрите на карту Балтийского моря. Севернее Эзеля и Даго

вы увидите совсем маленький полуостров. Длина его всего двадцать два километра, ширина пять-шесть, а в самом перешейке всего два с половиной. На этом полуострове была наша военно-морская база. Она, как замок, запирала вход в наше море и была как бы далеко на запад выдвинутым щитом, прикрывающим всю Прибалтику и наш Ленинград.

Когда началась война, немцы и белофинны решили сходу взять этот орешек, но не тут-то было! Ребята в нашем гарнизо-

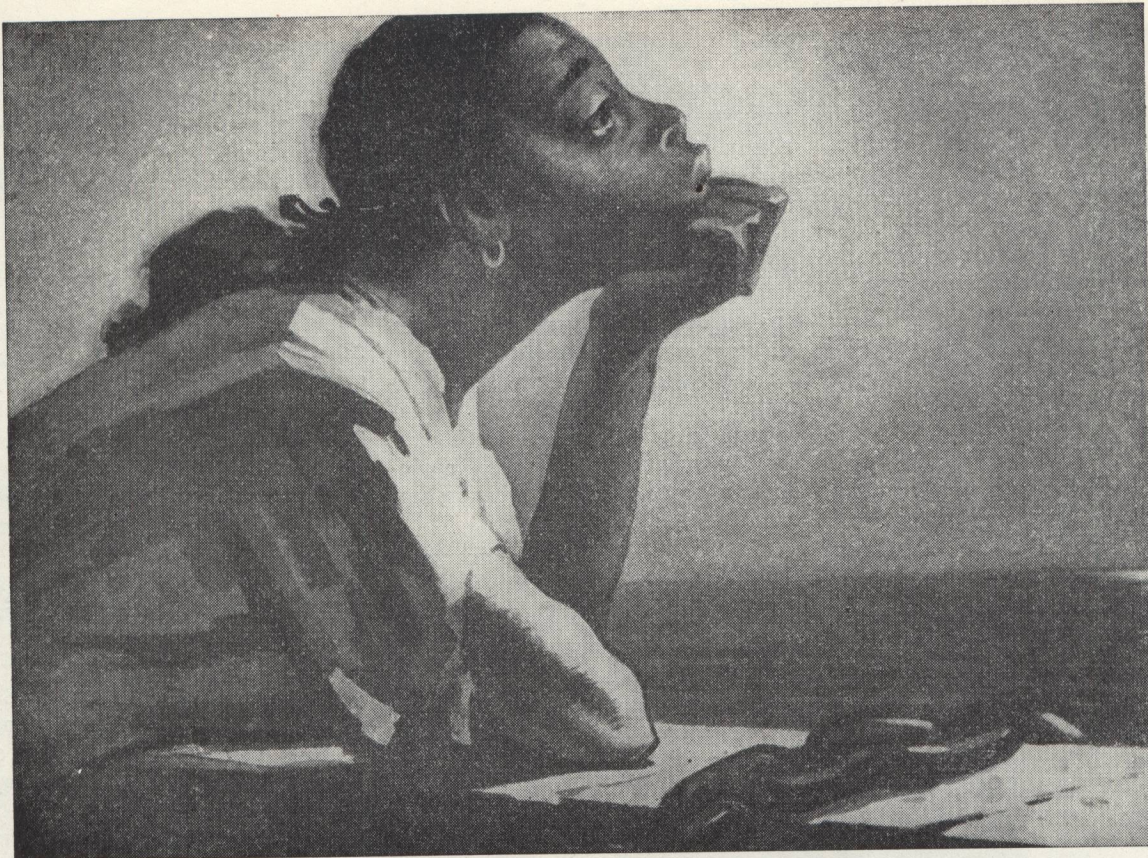
За колючей проволокой

Танки на дно!

Налет

Ожидание

не собрались боевые и смелые. Мы отражали все атаки, и сами шли в наступление и заняли у немцев и белофиннов пятнадцать или семнадцать прилегающих к полуострову островов.

Выходила у нас в гарнизоне своя газета. Называлась она «Красный Гангут». Почта с большой земли доставлялась к нам редко и нерегулярно, и «Красный Гангут» был у нас и за «Правду», и за «Известия», и за «Красную звезду».

Вот в эту газету в самом начале войны и приехал художник Борис Иванович Пророков. Меня к тому времени из батареи, где я служил разведчиком, тоже перевели в редакцию.

Типография и редакция «Красного Гангута» находились в подвале шестиэтажного разбитого снарядами дома. Там, в сырой, маленькой и низкой комнатенке, потолок которой был укреплен деревянными стойками, и помещалась наша «сати-

рическая комната», в которой мы работали и спали.

У нас при редакции не было своей цинкографии, поэтому в первое время газета выходила без рисунков и снимков. А вы сами знаете, без карикатуры и рисунка газета получается слепой и скучной, ее в руки брать не хочется.

В уцелевших от бомбежек и обстрелов дачных домиках мы обдирали с полов линолеум, в госпиталях у хирургов выпрашивали ланцеты и очень обрадовались, когда на каком-то чердаке нашли зонтик. Сам зонтик нам был ни к чему. Нам нужны были спицы от зонтика. Из спиц и из ланцетов получались прекрасные штихели — резы для гравирования.

Война всему научит. Борис Иванович никогда в жизни не занимался гравюрами. А тут пришлось. И наша комната превратилась в мастерскую.

Пророков вместе с Ваней

Шпульниковым резали свой линолеум, я, примостившись у стола, сочинял стихи — и на завтрашний день в газете появлялся, к примеру, подвал «Коварство и любовь». В нем в разных позах были изображены Гитлер и Маннергейм. Рисунки пояснялись текстом:

*Растяпа финская кума
Была от немцев без ума.
Поверя наглости пустой,
Пустила немца на постой.
Теперь от слез сошла с ума,
С сумой осталась сама.*

Рисунок, особенно карикатуру, пересказать словами невозможно. Но карикатуры Пророкова были настолько лаконичны и ядовиты, что над ними смеялись, их вырезали и наклеивали на стены блиндажей. Некоторые «изобретатели» с переднего края, чтобы досадить фашистам, делали луки и, зацепив в стрелу рисунок, пускали ее на ту сторону.

Борис Иванович стал душой редакции. В нашей комнате всегда толпился народ. Вернувшийся из очередной атаки командир подводной лодки Афанасьев долгом своим считал побывать у нас. Вернувшийся из засады снайпер Исаков приходил к нам, летчик Бринько и десантник Щербаковский бывали нашими собеседниками.

Борис Иванович — мой земляк-ивановец, но до Ханко я с ним лично знаком не был. Из Иванова он впервые послал свой рисунок на конкурс в «Комсомольскую правду» и получил первую премию. Редакция вызвала его в Москву и сделала своим художником. У него не было специального образования. Но у него были истинный талант и упорство. У него был чудесный учитель художник Моор. И Борис Иванович стал уже тогда заметным художником.

Он как-то незаметно умел притягивать к себе людей и помогал им найти то, что они давно в себе искали. Изобретательности его не было конца. Где-то в полуразрушенных складах военоторга мы разыскивали разноцветную оберточную бумагу, печатали на ней листовки и брошюры, выпускали сатирические приложения к газете.

Мы умудрялись в своей комнате в свободную минуту спорить о французских художниках Сезанне и Матиссе, читать стихи и строить такие планы, как будто войны и не было и она с нами ничего не могла сделать.

В конце ноября наш гарнизон по решению главного командования начал эвакуацию. Мы оставляли свой Гангут. Мы отправлялись на свою землю непобежденными. На последних запасах бумаги мы напечатали прощальные листовки, рас-

клеили и разбросали их по всему полуострову. В последний раз вдвоем мы пошли прощаться с Ханко. Он был уже почти пустой. Оставались только группы прикрытия. Мы заметили лошадь. Ее нельзя было эвакуировать. Она оставалась на полуострове. Мы последнюю листовку налепили на круп лошади. На листовке был нарисован краснофлотец, сбивающий прикладом фашиста с берега в море. Под рисунком была подпись:

«Мы идем бить фашистскую сволочь. И будем бить ее погангутски!»

Это была наша последняя работа. Нам не пришлось больше работать вместе. Но всегда, встречая в газете или в журнале рисунки Бориса Ивановича, я вспоминал о нем, как о друге, общение и дружба с которым дали мне очень многое и научили, не вешая головы, в любой обстановке находить свое место.

После Ханко он воевал на Ленинградском фронте, под Керчью и Новороссийском, под Выборгом и Клайпедой, в Берлине и в Порт-Артуре. И везде он был своим, и везде люди нуждались в его искусстве, в его спокойной улыбке понимающего жизнь человека.

Пророков знает войну и как солдат, и как художник. Со-

всем недавно в одном из писем он написал мне:

«Нет ничего отвратительнее войны, какой бы она ни была!»

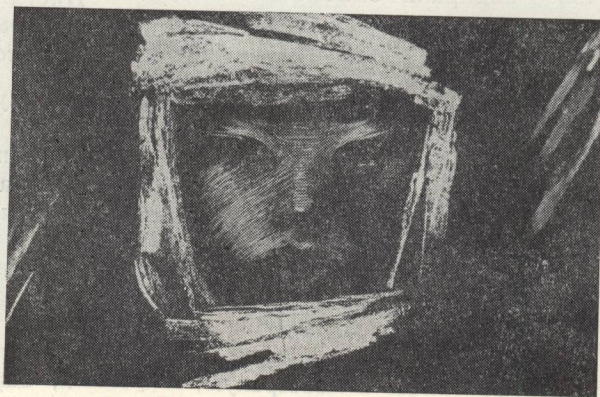
И он борется с этой войной всем напряжением своих сил. Только немногие близкие друзья знают, каких трудностей стоит ему эта работа.

В сорок четвертом году Пророкова под Выборгом контузило. Он даже не лег в госпиталь. Он перенес боль на ногах. Он забывал о ней за работой. Он понимал, что болеть некогда. Но мины взрываются и после войны! Старая контузия дала знать о себе и свалила художника в постель, и заставляет его месяцами лежать в постели, отбирая кисть и карандаш. Война мстит ему до сих пор, как самому яростному врагу войны.

«Это не должно повториться!» — так он назвал свою последнюю серию, каждый рисунок которой — крик о бдительности, разящий и смелый, понятный каждому сердцу.

«Помню, в Выборге, — пишет Пророков, — внезапно среди голубого полдня появился вражеский самолет и бросил бомбу на переправу. Я шел по набережной в темном флотском мундире с большим «крабом» на фуражке и с папкой. Летчик, приняв меня за генерала, пошел прямо на меня. Он летел тихо и очень низко, так низко, что наши взгляды встретились. Он дал по мне пулеметную очередь. Я успел четыре раза выстрелить в него из пистолета. Смешно стрелять из пистолета по самолету? Но надо же было что-то делать! Так и теперь...»

Борис Иванович и на сей раз скромен. Его рисунки, его работы — очень меткие выстрелы. Они всегда достигают цели!

Помните Хиросиму!

В тексте и на вклейке помещены рисунки Б. Пророкова из серий «Это не должно повториться», «За мир», «Маяковский об Америке».

Их свобода

Судья

Борис Раевский

Рисунки Г. Праксейна

Николай Михайлович Козаков — невысокий, плотный, с небольшой, но уже заметной лысиной — приехал на стадион почти за час до начала матча. Не торопясь, помахивая легким фибровым чемоданчиком, в котором лежала его спортивная форма, Козаков прошел под трибуну.

У входа в раздевалку теснилась уже целая толпа заядлых болельщиков. Были тут люди очень разные: и мальчишки, и старики, и какой-то юнец в грязной тельняшке и в морской фуражке с «крабом», и сухопарый пожилой мужчина с длинными волосами, в пенсне, похожий на артиста, и полковник в новеньком мундире. Но всех этих людей что-то роднило. Это «что-то» было во взглядах, загоравшихся, едва разговор касался «своей» команды, в дотошной осведомленности не только о боевых качествах, но и о личной жизни каждого, даже самого заурядного игрока, в специальных «болельщических» словечках и в глубоко спрятанном, неугасаемом азарте.

За долгие годы судейства Козаков уже знал в лицо многих болельщиков. «Артист», например, всегда сидит на Восточной трибуне, внизу, и орет — похлеще любого мальчишки. А этот вот солидный интеллигентный мужчина, — наверное, инженер или врач, — однажды в порыве возмущения швырнул вниз, на поле, свою велюровую шляпу.

Козаков направился в судейскую комнату, расположенную рядом с раздевалками.

Болельщики почти не обратили на него внимания. Он уже привык к этому: толпа встречала футболистов, судья ее не интересовал.

Козаков усмехнулся. Что ж, давно известно, судьям не аплодируют, судьям только свистят!

В пустой судейской он неторопливо переоделся, сделал небольшую разминку. Да, как никак, уже почти сорок. Судить становится непросто: за девяносто минут так набегаешься! Мысленно прикинул, сколько он пробегает за матч: получилось примерно километров пятнадцать.

Правда, пока силенок хватало. Но все-таки сорок — это сорок...

В открытое окно доносились разговоры зрителей.

— Продуют тбилисцы. Наши-то на своем поле, а на своем — и стены помогают.

— И судья свой, — подхихикнул другой голос. — Ежели что... подсобит...

Козаков, досадуя, покачивал головой. Среди истинных болельщиков всегда терлись какие-то типы, непременно предполагающие закулисный сговор между командами, грязные комбинации, подкуп игроков и судей.

Он заглянул в раздевалку. Обе команды волновались. И хотя игроки напускали на себя равнодушие, Козаков чувствовал это волнение и в том, как левый край тбилисцев трижды завязывал непослушные шнурки на бутцах, и в том, как слишком старательно, слишком часто острил их вратарь, и даже в том, как безучастно, демонстрируя полное спокойствие, лежал на скамейке центр — форвард москвичей.

Матч предстоял интересный. Решающая встреча сезона. Кто победит, тот и завоюет кубок страны.

В окна раздевалки вливался ровный, непрерывный шум трибун. Казалось, идет дождь.

А между тем, денек выдался отличный. Зрители мастерили из газет шапки и козырьки от солнца. Над стадионом дрожал прокаленный воздух, трава на поле была такая ослепительно изумрудная, какую рисуют лишь дети на картинках. И, словно радуясь веселому, чудесному деньку, два серебристых самолета кувыркались в небе, прямо над трибунами.

Игроки обеих команд были знакомы Козакову: москвичи — больше, тбилисцы — меньше. Как-никак, около двадцати лет отдал он футболу, да и памятью его природа не обидела. У всех судей память обычно очень цепкая. Он помнил не только результаты всех матчей, которые когда-либо судил, помнил даже, кто и в каком тайме забил гол. А лица, хоть раз увиденные, отпечатывались в его памяти четко, как на фотоснимке, и сохранялись там навсегда, как в хорошем архиве.

Полусредний москвичей Игорь Кочегура, давний приятель Козакова, увидев его, радостно воскликнул:

— Жму лапку, Коля!

Козаков поморщился. Игорь, что называется, «свойский» парень. Весельчак, гитарист.

И ходить с ним на охоту — красота. Но сейчас, перед матчем, это панибратское приветствие неуместно. Сейчас он, Козаков, — судья. А судья — объективен и строг. И чтобы подчеркнуть это, Козаков сухо ответил:

— Рад видеть вас в таком хорошем настроении, Игорь Степанович.

Козаков был щепетилен и не хотел, чтобы у спортсменов, особенно у тбилисцев, возникло хоть малейшее сомнение в его беспристрастности.

...Вскоре он вышел на поле, по привычке пробуя ногой упругую, аккуратно подстриженную траву. Вызвал игроков. Матч начался.

Страсти разгорелись сразу же. Едва нападающий любой команды приближался к воротам противника, — весь стадион вспыхивал, словно костер, в который кто-то плеснул бензина.

— Да-вай. Да-вай! Да-вай! — требовательно скандировали где-то наверху.

Козаков передвигался по полю обдуманными короткими перебежками. С трибун казалось: он совсем не спешит. Да так оно и было. Судья расчетливо тратил силы. Он знал: они еще будут нужны, очень нужны. И все же,

когда на поле возникала острая ситуация, Козаков всегда оказывался неподалеку от мяча. В этом умении мгновенно выбрать позицию проявлялся его многолетний футбольный опыт.

Игра протекала напряженно. Комбинация следовала за комбинацией, атака за атакой, и судья постепенно сам все больше входил в борьбу. И, когда защитник тбилисцев грубо оборвал тонкую нить изящной комбинации, Козаков сделал ему замечание не только, как судья. Нет, эта грубость задела, покорибила его, как всегда оскорбляет она чувства истинного болельщика.

Игра становилась все ожесточеннее, а счет так еще и не был открыт. И, как всегда в таких случаях, огромное нервное напряжение игроков, не находя разрядки, постепенно стало прорываться наружу. Вот слишком резко пошел на мяч левый край москвичей. Грубо наскочил на противника тбилисец. Опасно подставил ногу защитник и сам же, сверкнув глазами, что-то крикнул по-грузински.

Один из москвичей слегка толкнул противника. Мелкое нарушение. Козаков не остановил игру, но издали выразительным жестом показал москвичу: «Я, мол, все вижу. Учти!»

Снова нарушение со стороны москвичей. Козаков все еще не останавливал игру: тбилисцы атакуют, не надо им мешать...

Но вот обстановка разрядилась, мяч выбили за пределы поля, и судья, подозревая виновато, сделал ему внушение.

Козаков старался говорить спокойно, чтобы не возбуждать и так разгоряченного спортсмена. Главное, выдержка. Не давать игрокам перейти за ту невидимую, но хорошо ощутимую границу, когда силовая борьба превращается в грубость, а спортивная злость — в скрытую драку.

Первый тайм кончился, а на башне, на щитах, по-прежнему чернели «колеса» — два огромных нуля.

В судейской, когда команды ушли на отдых, усталый Козаков долго полоскал рот, заставляя себя каждый раз выплевывать тепловатую, но все же очень приятную воду. Потом сделал несколько глотков и, хотя еще очень хотелось пить, отставил стакан. Лег, ноги поднял на спинку стула.

«Ну, и рубка, — подумал он. — Но ничего, удержу...»

Второй тайм начался взаимными бурными атаками. Но, видимо, волнение лишало нападающих точности удара. Никому не удавалось завершить комбинацию голом.

Так в бесплодных атаках прошло пятнадцать минут, и двадцать, и двадцать пять, и тридцать...

Трибуны свистели, стонали, умоляли, требовали, орали, выли, улюлюкали...

«Пожалуй, потребуется дополнительное время», — подумал Козаков.

Фуфайка на его спине уже взмокла, ноги отяжелели. Приходилось напрягать все внимание и все силы, использовать весь свой авторитет, чтобы не допустить грубых стычек, сдерживать особо горячих игроков.

В суতোлке Игорь Кочегура сбил одного тбилисца. Козаков назначил штрафной и сделал это не без удовольствия:

«А то Игорь начал распоясываться. Надеется — по дружбе прощу».

Оставалось четыре минуты до финального свистка. Игроки, казалось, смирились с ничейным исходом второго тайма, а зрители уже азартно обсуждали, что принесут добавочные полчаса. И вдруг — острое положение у ворот тбилисцев. Именно вдруг: только что атаковали сами тбилисцы, но внезапно московский защитник отнял мяч, сильным «отбойным» ударом переправил его на другую половину поля, там его подхватил правый крайний москвичей и ринулся к воротам.

Стадион взревел.

А правый край уже отпасовал полусреднему — Игорю Кочегуре. Миг — и мяч в сетке.

Пожалуй, впервые за весь матч Козаков не успел на острый участок. Издали ему показалось, что Кочегура был «вне игры», но на таком расстоянии попробуй — разбери.

Козаков быстро взглянул на своего помощника. Нет, отмашки флагом не было. Значит, все правильно. Козаков дал свисток и поднял руки вверх: гол.

Трибуны словно взбесились. Одни зрители плясали, смеялись, обнимались, кидали вверх кепки, газеты. Другие, покраснев или побледнев, вскочив с мест, свистели, орали, яростно потрясая кулаками.

— Судья! Протри очки!

— На пенсию!

— Непра-а! Непра-а-а-а! Непра-а-вильно!

И, конечно, неизбежное:

— Судью на мыло!

Козаков мельком глянул на Восточную трибуну. Ну, а как же? «Артист», стоя на скамейке, заложив пальцы обеих рук в рот, свистел пронзительно и свирепо. Лицо его и даже шея надулись и побагровели.

Капитан тбилисцев с прилипшими ко лбу прядями черных волос, подбежав к судье, быстро, взволнованно, путая русские слова с грузинскими, доказывал, что Кочегура находился к воротам ближе защитника...

— Прекратите дискуссию, — стараясь не повышать голоса, остановил его Козаков.

Нельзя допустить, чтобы судье на поле возражали, оспаривали его решение. Иначе начнется безвластие и неразбериха.

И все-таки, ничем внешне не выдав своего беспокойства, Козаков чувствовал себя неуверенно. Он заставил тбилисцев начать с центра поля, а сам все думал:

«Было «вне игры»? Или нет? Было или нет?»

Через две минуты матч кончился. Со счетом 1:0 победили москвичи. Один гол, один-единственный, решил судьбу кубка СССР.

Зрители, не отрывавшие глаз от поля, после финального свистка судьи, словно все разом вздохнули, зашевелились, загомонили.

Команды построились. Пока они вяло, без энтузиазма приветствовали друг друга, Козаков бросил быстрый взгляд на своего помощника:

«Было или нет?»

— Нормально, — шепнул тот. Но голос звучал не слишком убежденно...

В судейскую сразу набился народ. Козаков сидел у стены, устало откинувшись на спинку стула, и старался не слушать разноголосый, взволнованный говор.

«Вот так порядочек!» — недовольно думал

он. В судейской запрещалось находиться кому-либо, кроме судьи. А тут — вон сколько!

Особенно горячился высокий, красивый горбоносый грузин. Он говорил громко, быстро и так энергично, что под потолком то и дело позвякивали стеклянные висяюльки у лампы. И жестикулировал, как немой.

Козаков отвернулся. Сам он был скуп на слова, даже слишком молчалив. Может быть, поэтому его особенно коробила чужая болтливость.

Москвич Федюнин, старый футболист, давно уже вышедший в отставку, вяло спорил с грузином, незаметно подмигивая Козакову: мол, не волнуйся, дело обычное, проигравший всегда недоволен.

Впрочем, и сам этот красавец-грузин, хоть и горячился, понимал, что в общем-то спор бесполезен: все равно теперь судья не изменит своего решения. Не может изменить, даже если бы хотел.

— Мы подадим протест, — сухо, резко заявил маленький смуглый представитель тбилисцев. — Кочегура был «вне игры».

— Подавайте, — ответил Козаков.

Он знал: протесты возможны при самых различных нарушениях. Но как раз по поводу «вне игры» никакие протесты не рассматриваются. Только судья сам, единолично, определяет: было «вне игры» или нет.

Знал это, конечно, и представитель тбилисцев.

«Просто с пылу, с жару... Пугает!» — поду-

мал Козаков. Встал и негромко, но твердо произнес:

— Посторонних прошу удалиться.

Он нарочно так сказал: «посторонних», чтобы задеть того высокого красивого грузина, который корчил из себя большое начальство. Да, пусть знает — здесь он «посторонний».

Оставшись один, привычно заполняя графы протокола, Козаков продолжал размышлять: «Было или нет?»

Напрягая свою память, он старался скрупулезно точно восстановить расположение игроков на поле в тот решающий момент.

Прикрыв глаза, он постепенно, четко расставил всю пятерку нападения москвичей, точно вспомнил, где были оба полузащитника тбилисцев, где находился левый и правый защитники. Только центрального защитника все еще не удавалось накрепко прищипить к какой-то определенной точке поля. А это самое важное...

Он отметил в протоколе, кому из участников и за что он сделал замечания, проставил все фамилии игроков, запасных и судей. А сам все думал:

«Было или нет?»

Дома, отдохнув, он подсел к плоскому ящику с низкими бортами — макету футбольного поля, расставил на нем маленькие, похожие на оловянных солдатиков фигурки игроков. Все они быстро нашли свои места на поле, только центральный защитник остался в кулаке у Козакова.

«Вот напасть-то!»

Позвонить друзьям, бывшим на матче? Нет, не годится. Каждый, конечно, будет твердить свое, получится сумбур...

Козаков думал долго. И не мог прийти ни к какому выводу. Усталый, прилег на диван. И вдруг!.. Абсолютно ясно, как это бывает только во сне, увидел центрального защитника. Вот он — высокий, с ногами и руками, густо поросшими рыжеватыми волосами, взмокший — бежит возле правого крайнего, а вовсе не около центр-форварда, которого обычно ему полагается «держать».

Понятно теперь, почему так долго и так тщетно искал его Козаков. Ну, конечно, — разыскивал его возле центрального нападающего, а он переместился на край.

«Так! — Козаков, словно подброшенный трамплином, вскочил с дивана. — Значит... Ясно. К сожалению, ясно!»

Да, все сразу стало ясно. Кочегура был «вне игры». Гол засчитать нельзя.

Козаков, мрачный, стоял посреди комнаты.

«Что же делать?»

Он сел к столу. Надо успокоиться, сосредоточиться.

«Итак — ну, ошибся. С кем не бывает?! Постарайся впредь не ошибаться. А пока — забудь... Забудь? А тбилисцы? Им-то, конечно, не забыть!»

Козаков вспомнил лицо капитана тбилисцев, когда тот подбежал к нему на поле. Черные, мокрые кольца волос на лбу, путаница русских и грузинских слов, и молящие, почти плачущие глаза. Да, да, этот могучий детина почти плакал от обиды и бессилия, от полной невозможности как-нибудь исправить страшную несправедливость.

Козаков вскочил с места, зашагал по комнате.

«Вот черт! Значит, кубком СССР будет кто-то владеть лишь по недоразумению?»

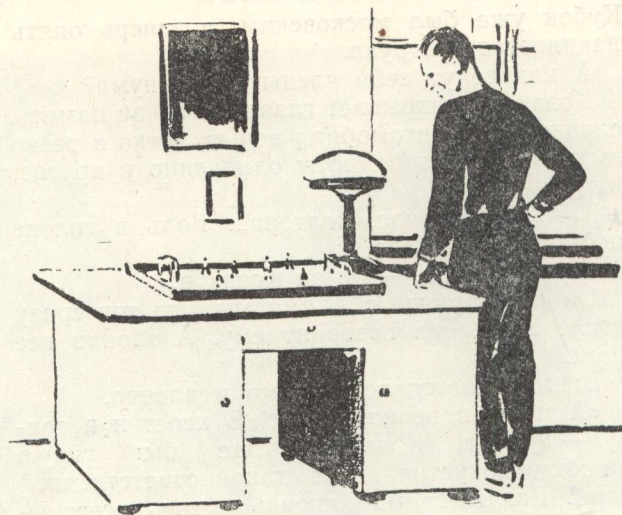
Он сердито потряс головой.

«Может, признать... Подать заявление...»

«Позор! Неслыханно! Сам судья обвинит себя!» И как он будет потом судить? Все, все игроки, — конечно, все, и очень быстро! — узнают об этой истории. Весь его авторитет, все, созданное годами по крупице, все сразу рухнет...

Раздался телефонный звонок. Голос Игоря мягкий, сочный, как у певца, рокотал и переливался. Козаков недолюбливал этот «сольный» голос: слишком красивый, с таким голосом только болтат да болтать!

— Молодец, старик! — радостно гудел Игорь. — Я говорил: москвич москвичей не подведет!..

«Значит... — кровь бросилась Козакову в голову. — Игорь думает... я нарочно...»

Не отвечая ни слова, он медленно положил трубку.

«Так... Как же я не сообразил?! В самом деле... Могут решить, что я умышленно... Да, подсуживал...»

Снова тревожно зазвонил телефон.

«Игорь. Беспokoится. Почему я не ответил...»

Козаков не взял трубку. Сел к столу. Долго еще раздавались протяжные, зовущие звонки. Наконец, коротко тренькнув, телефон умолк.

Козаков достал лист бумаги. На минуту задумался. Сверху крупно написал:

«В Федерацию футбола СССР».

И чуть пониже:

«Заявление».

* * *

Заседание президиума Федерации было назначено на шесть часов. А в пять у Козакова дико разболелась голова: военная контузия все еще изредка давала себя знать. Он позвонил, сказал, что не придет. Да и что он может добавить к своему заявлению!

В шесть часов он сидел дома и мысленно представлял себе, что сейчас происходит в президиуме. Вот началось заседание. Вот зачитали его заявление. Конечно, изумились. Растерялись.

Ну, тбилисцы, конечно, рады. Еще бы! А москвичи? Он на минуту представил себе широкое, плоское лицо тренера москвичей Шипова. Тот, вероятно, поднял брови и быстро-быстро проводит языком по губам: он всегда так облизывается, когда удивлен, волнуется, или сердится. Шипову, конечно, досадно.

Кубок уже был московским, а теперь опять начинается заваруха.

А как ведут себя члены президиума?

Козаков прикрывает глаза, и тотчас память, словно фары автомобиля ночью, четко и резко выхватывает из темноты одно лицо и другое, и третье...

Так прошел час, полтора... Боль в голове постепенно стихала.

«Затянулось», — думал Козаков.

Он договорился с Акимовым, что тот сразу после заседания позвонит ему. А звонка все нет...

Время тянется нестерпимо медленно.

«А меня, наверно, кроют! В хвост и в гриву! — думает Козаков. — Еще бы: такую ошибку допустил. И в такой ответственной игре! Разрешат мне впредь судить всесоюзные встречи? Или снизят на республиканские?»

А звонка все нет.

«Шипов, наверно, разобидится, — думает Козаков. — Игроки поднимут бучу. Игорь их настрополит...»

Вдруг зазвонил телефон. Козаков схватил

трубку. Но спрашивали дочь. Через несколько минут телефон опять зазвонил. Это был Акимов.

— Наконец-то! — сердито пробормотал Козаков.

— Раньше никак! — объяснил Акимов. — Все заседали...

— Ну?

— Твое заявление одобрили. Назначили переигровку. На завтра.

— Влепили?

— Тебе-то? По первое число!

— А москвичи как? Шипов?

— Поворчали, конечно. Не без этого. — Акимов усмехнулся. — А в общем согласны на переигровку. Но главное, самое интересное, обе команды подали заявления. И, знаешь, будто сговорились... просят, чтобы переигровку опять судил ты...

Козаков не отличался чувствительностью. Даже был суховат. А тут вдруг горло перехватила судорога. И, боясь, что Акимов заметит, как изменился его голос, грубовато кинул:

— Ишь, какое благородство!

ШОФЕР

Надежда Полякова

Подрасту и очень скоро
Буду взрослым, наконец.
И, конечно же, шофером
Стану я, как мой отец.
Быстро грузы повезу я!
Будут люди в поле жать,
Я машину грузовую
Стану рождю загружать.

А сейчас я с папой рядом
За рулем всегда сижу.
Посигнальте папе надо,
Я сигналю, я гужу.
Я гляжу на радиатор,
На гудке моя рука.
Разбегаются цыплята
От сигнального гудка.

Надо мной смеется Оля:
«Сросся ты с грузовиком!
Разучился мальчик что ли
По земле ходить пешком?!»

КОНИ

Сергей Скачеников

Замечательные кони!
Кто таких коней догонит!
Быстрые, игривые,
С золотыми гривами.
Конюх дедушка Игнат
Покатал бы всех ребят,
Только занят старый дед,
Он вздыхает: «Часу нет...»
У меня-то время есть,
Да на лошадь не залезть.
Подсадил бы кто меня
Вот на этого коня!

Петух посреди Невского проспекта... По-вашему этого не бывает? Ну, а птицеферма в центре города? Тоже не верите? Что ж, приходите тогда к нам, в 153-ю школу, что недалеко от Московского вокзала.

Пятого октября у нас день рождения школы. Все лучшие ребята получают подарки: грамоты, книги и... птиц.

Лиде Лемеховой подарили петуха. За что? За отличную работу на ферме. Лида все лето ухаживала за птицами. Кроме того, она — заместитель заведующей фермой.

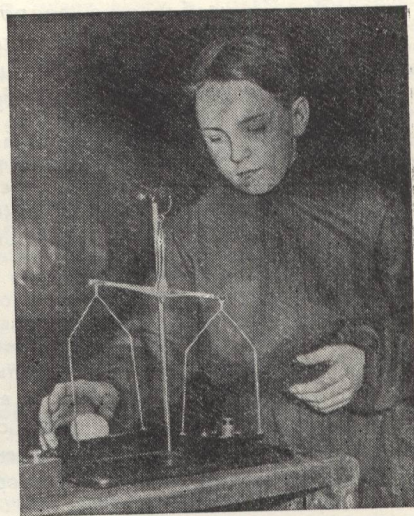
Мы все сами строили — и ферму и бетонированный водоем для уток.

Недавно пришли на ферму и видим, что курица перья у себя выщипывает. Мы думали, она заболела — понесли к ветеринару. А оказалось, она себе гнездо готовит — ей пора птенцов высидывать.

Мы часто дежури́м на ферме.

Каждое яйцо надо взвесить и записать в тетрадь: какого оно веса и от какой курицы. В конце учебного года мы составим отчет, и тогда будет видно, какая кура лучше неслась и почему.

А для того, чтоб куры хорошо неслись, их надо сытно кормить и даже поить рыбьим жиром. Ведь у кур тоже бывает авитаминоз.

Берегите знамя, как мы берегли...

вичи героически погиб парторг роты Григорий Кунавин. Он закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота...»

«После войны к нам, в Касторное, приехала делегация полка. На торжественной пионерской линейке гвардейцы рассказали о своем боевом пути и вручили нам знамя...»

ТОГДА МЫ И ЗАДУМАЛИ НАПИСАТЬ В ГЕРАСИМОВИЧИ

«Здравствуйте, дорогие друзья!

Вам пишут пионеры Касторенской средней школы Курской области.

В нашей школе хранится пионерское знамя, которое во время войны прошло от Касторного до Кенигсберга с гвардейским полком. В этом полку служил Григорий Кунавин, погибший при освобождении вашей деревни. Напишите нам, где похоронен Кунавин, как вы чтите память героя. Напишите о своей жизни, учебе, о пионерских делах.

*С товарищеским приветом
Совет дружины».*

ПРИШЕЛ ОТВЕТ... ПО-РУССКИ

«День добрый, друзья!

Пишут вам харцеры дружины имени Грегоя Кунавина. В нашей деревне Герасимовичи построена хорошая семилетняя школа, которая тоже носит имя вашего земляка. Недалеко от деревни протекает река Вельки Став, на ее берегу большой сад, где похоронен павший в бою русский солдат Кунавин. Мы часто посещаем могилу героя, сажаем красивые цветы, носим венцы, доглядываем, как можем. И память о Грегое Кунавине будем чтить всегда.

Каждую неделю у нас бывают пионерские сборы. Мы учим новые песни, играем в мяч, читаем газеты и журналы.

Пишите нам чаще. До свиданья!»

Село Касторное — в центре России. Село Герасимовичи — на польской земле. Между ними больше тысячи километров, а традиции у ребят одни и те же.

Первого сентября выстраиваются на линейку советские пионеры.

Первого сентября строятся по своим классам польские харцеры.

В молчании слушают они рассказ вожатых о гвардейском стрелковом полке, о парторге роты Григории Кунавине, о его героическом подвиге и о славном пионерском знамени.

ПИОНЕРСКАЯ КНИГА

Рассказывают Саша Пономарев, Игорь Елизаров и Лена Лашина из школы № 1 города Печоры Псковской области.

Есть в нашем городе монастырь. За его стенами живут монахи. Около монастыря пещера. Про нее рассказывают всякие чудеса, называют «святой». Мы давно хотели туда попасть, да все не удавалось. Но однажды приехали какие-то туристы, и мы незаметно пристроились к ним.

Входим в подземелье. Впереди, со свечкой в руке, проводник-монах. По стенам и потолку прыгают тени, монах бормочет про нетленные мощи, про то, что это подземелье создано самим богом...

Когда мы рассказали в классе о своем путешествии, что тут поднялось!

— Вот обманщик! — возмущались одни.

— И про святую воду тоже болтал? — спрашивали другие.

— Давайте все сходим в пещеру, — предложили мы, — а потом устроим антирелигиозный вечер.

Но под землю нам больше попасть не удалось. Монахи закрыли вход на замок и посадили у дверей сторожа.

— Ну что ж, — сказала наша учительница Ольга Львовна, — зайдем в пещеру с другого хода...

Первым делом решили узнать, как возникла пещера.

— Река ее сделала, — сказал кто-то.

— А где река? Нет ведь ее!

И верно: далеко внизу, у самого подножья холма, протекает тоненький ручеек. Не мог же он забраться наверх и прорыть пещеру!

Вскоре отправились мы в Старый Изборск — это неподалеку от наших мест. Из древней летописи, хранящейся в музее, узнали, что здесь прежде протекала полноводная река Бдеха. На ней стояла Изборская крепость, ходили сторожевые корабли. А потом река пересохла, ушла. Такая же история случилась и с нашей рекой. Она тоже была когда-то широкой, стремительной. Вырыла ходы в земле и исчезла. А остался от нее маленький ручеек.

Из летописи мы узнали также, что открыл пещеру местный житель Иван Дементьев. Случилось это в 1392 году.

Но больше всего нас интересовали «нетленные мощи». Ведь монах говорил правду: захороненные в пещере тела на самом деле не подвергались тлению.

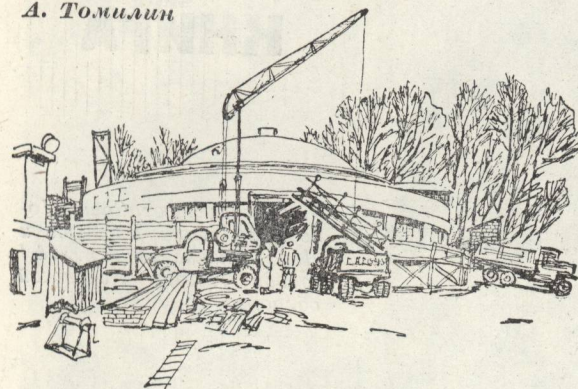
Прочитали мы в музее книгу о древних захоронениях. Оказалось, что в Египте мумии находили не только в пирамидах, но и прямо в толще песка. Климат у нас, правда, другой, но зато пещера песчаная, воздух в ней сухой, температура постоянная. От сырости она тоже защищена: сверху пролегает известковый слой, не пропускающий влагу. Происходит естественная мумификация, как в Египте.

Пока мы все это узнавали, ребята из химического кружка провели интересный опыт. Дело в том, что около пещеры находится ключ. Мы часто видели, как монах набирал воду, опускал в нее серебряный крест и разливал воду верующим. Говорили, что такая вода становится «святой» и исцеляет от болезней. Ребята потихоньку набрали из ключа воды, положили в нее несколько серебряных монет. Вода долго оставалась прозрачной, не портилась. Ясно! Дело не в кресте, а в серебре!

Недавно мы провели в школе интересный антирелигиозный вечер. Назвали его так: «Тайны святой пещеры». Народу собралось! Пришли ребята из других школ, родители, бабушки... Мы им все рассказали про пещеру — всю правду. Пусть знают, как монахи обманывают народ.

А. Томилин

Станция „Парк Победы“.
Строительная площадка.

Но... представь себе, что мы с тобой, взяв чемоданчики, спускаемся вниз. Входим в вестибюль. Движущийся тротуар подхватывает нас и, превратившись в лестницу, несет еще глубже вниз.

Но вот конец. Лестница ныряет, прячется и — перед тобой дворцовый зал. Огромный, сверкающий дневным светом и мрамором облицовки.

Светло — как на улице. И воздух, пожалуй, почище... Одно странно — тихо очень... И на подземку не похоже!

И ВСЕ-ТАКИ ЭТО МЕТРО

Кто бывал под землей, знает, что главное на станциях метрополитена — платформы. По ним ходят ожидающие, к ним «причаливают» подземные экспрессы.

Ничего подобного нет на станции, куда мы спустились. Зал — есть; эскалаторы вверх-вниз бегут, а платформы? Где же рельсовый путь, по которому идут поезда?

По обем стенам зала, це-

почкой, расположились широкие закрытые двери. Но вот металлические створки бесшумно растворяются, а за ними — вагоны поезда. Входи, располагайся: двери вагона как раз против дверей зала.

И вот мы в вагоне. «В-жжик», — закрылись двери. В одну минуту поезд набрал скорость.

Как же удастся машинисту после разбега точно остано-

вливать состав? Так точно, чтобы двери вагонов не проскочили мимо дверей станционного зала?

Ответ на этот вопрос самый неожиданный.

«Тормозя движение, машинист и не притрагивается к ручке».

«Как же так?» — спросишь ты. И тут придется начать объяснять все по порядку.

СТАНЦИЯ НОВОГО ТИПА

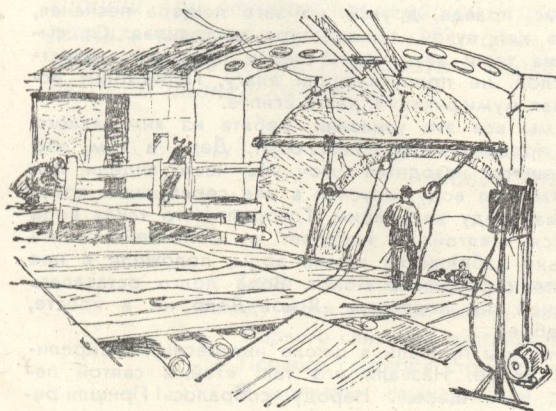
Во-первых, все, о чем ты сейчас читаешь, не фантастика.

Во-вторых, путешествуем мы не по городу будущего, а спустились в реальное метро, с точным адресом: станция «Парк Победы», вторая очередь ленинградского метрополитена.

Именно здесь и построена первая в мире станция нового типа. Та самая станция, с которой мы с тобой начали наше путешествие.

Так кто же тормозит поезд? На это нам ответил начальник ленинградского метростроя Дмитрий Иванович Большаков.

— Начнет машинист тормозить, — рассказал он, — обязательно на метр-два мимо дверей промажет. Всего на полсекунды замешкается, а поезд за

Вход в наклонный тоннель.

Кто знает, может быть, среди этих ребят есть не только пассажиры, но и будущие строители.

это время пять лишних метров отмахал. Вот и пришлось поручить остановку автомату. Чиркнет по глазку фотоэлемента луч света, — фотоэлемент включит тормозящее устройство. При работе автомашиниста ошибка больше пяти, десяти сантиметров не бывает. Можете поверить!

И мы верим. Дмитрию Ивановичу Большакову можно верить, почти тридцать лет его жизни связано с метрополитеном.

— Начинал я в тридцать первом году, на московском, на первой очереди...

Усталые глаза начальника строительства глянули вдруг по-комсомольски задорно. И мне вспомнилось большое пан-

но на станции «Комсомольская» в Москве. Веселые, злые на работу парни в шахтерках, голые до пояса, дробят отбойными молотками породу.

Далеко ушло то время. Изменилась архитектура и конструкция подземных дворцов. Редко увидишь в метро и проходчика с отбойным молотком.

Но по-прежнему неиссякаем энтузиазм строителей.

О соревновании ленинградских метростроителей можно судить по результатам. Станция «Московский Парк Победы» сдастся в эксплуатацию на шесть месяцев раньше срока. ПОЛГОДА! Это подарок ленинградцев Двадцать второму съезду КПСС.

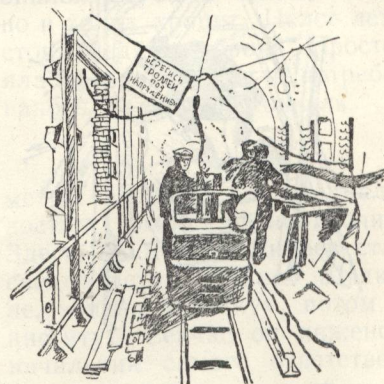
В ФЕВРАЛЕ

Впервые попал я на новую станцию за два с половиной месяца до пуска.

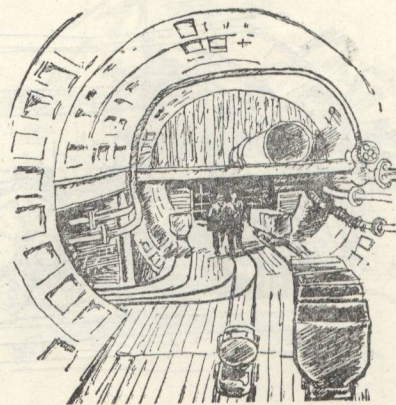
Чтобы спуститься под землю, пришлось сначала влезть

по деревянным ступеням наверх к подъемнику.

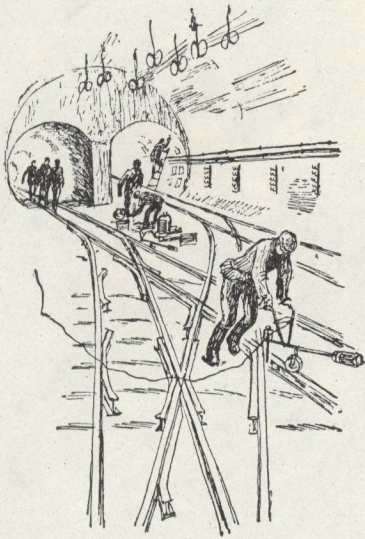
«Эге-гей», — кричит в длинную переговорную трубу с воронкой на конце стволовой.

Строительный материал подвозят на электрокарах.

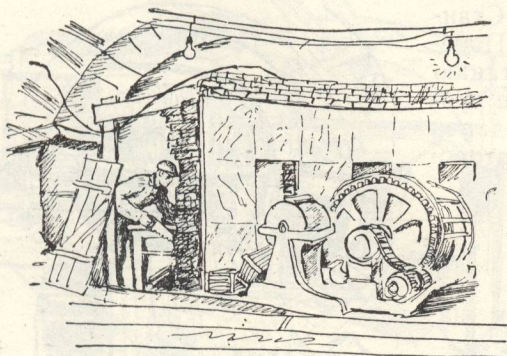
Подъемник привез рабочих.

Делают отверстия для крепления шпал.

По этим рельсам пойдут вагоны метро.

Внутренняя отделка билетной кассы.

«Пи-пи-пи», — доносится из глубины. Не разобрать. Гудит три раза зуммер сигнала. Это значит — в клети люди. А мы, надвинув поглубже пластмассовые шахтерские каски, стремительно «проваливаемся».

Дух захватывает. В стволе темно, холодно и что-то все время капает за шиворот. Клеть трясется, гроыхает. Нет, это тебе не плавный эскалатор ленинградского завода «Красный металлист». Кстати сказать, марка этого завода стоит почти на всех лестницах-чудесницах не только ленинградского метрополитена.

Хлоп!.. Клеть мягко «приземлилась», и мы оказались в подземелье. В путанице проводов горят лампочки. Под ними надписи: «Берегись тролей». Троли — электрические провода, только не для освещения, а для электровозов. Здесь на подземном строительстве электровозы получают питание, как трамвай, и тянут за собой вагонетки.

На станцию, — нет, пожалуй, ее еще нельзя было так назвать. Скорее это был один большой строительный участок — только под землей.

Туда в гости к бригаде коммунистического труда Александра Мурашова и пришли ленинградские пионеры.

Ребята познакомились с бригадой проходчиков, известной на всю страну. За плечами ее опыт строительства Кировской и Чернышевской станций метро, Московских Ворот и вот теперь — Парка Победы. Ее бригадир Александр Мурашов за строительство первой очереди ленинградского метрополитена награжден высшим орденом нашей страны — орденом Ленина.

Разве могли ребята подумывать, что на подступах к теперешним станциям не раз под землей разворачивались настоящие сражения. А ведь так было с самого начала стройки, с первой геолого-разведочной скважины.

НАСЛЕДСТВО МАМОНТОВ

Много тысячелетий назад ленинградскую землю покрывал толстенный ледник. Медленно полз ледник, тащил на себе обломки скал и целые скалы. Потом лед растаял. А камни остались и лежат до нашего времени, занесенные

велик, заводят в скважину «бабу» — тяжеленный молот весом в полтонны и бьют по валуну, пока не расколют. Грохот стоит, хоть уши зажимаешь. Но без скважин не узнаешь состав грунта на нужной глубине.

многометровым слоем грунта. Встретится в скважине буровикам такой валун — беда. Если камень не очень

мешают валуны и проходчикам. В подземных коридорах нелегко «подкопаться» под такие «гостинцы» и утопить их в породе.

ВЗРЫВЫ ПОД ЗЕМЛЕЙ

Если попадают валуны, которые не утопить и не расколоть, в забой приходят подрывники. Тонкое это дело, подземный взрыв. Ведь на поверхности — дома, асфальтовые дороги-улицы, архитектурные памятники. А

сколько всякого подземного коммунального хозяйства! И водопровод, и канализация, и газ, и телефон, и тепломагистраль. Переложить чуточку взрывчатки — пиши пропало. Дрогнет земля, посыпятся стекла из окон, полопаются трубы, порвутся кабели.

Чтобы этого не случилось, подрывники рвут валун несколько раз слоями.

Гремели такие взрывы и на участке от Московских ворот до станции Фрунзенская...

ПЛЫВУН

Ленинградская земля знаменита не только валунами... На первый взгляд кажется — все благополучно. Но вот раздается в забое крик: «Плывун!» По этому сигналу каждый становится на свое место.

Плывун — смесь глины, песка и воды. Как жидкое тесто, вползает он в тоннель, грозя затопить все, уничтожить человеческий труд. А там, где он был, остается пустое ме-

сто. Горное давление стремится заполнить его. И вот начинается осадка поверхности. Волнами, как море в бурю, ходит земля. Перекашиваются двери домов, едут, ползут, рушатся дома, рвутся рельсы трамвайных путей, электрические провода...

В борьбе с пльвуном у человека оказался неожиданный союзник. И не менее неожиданный враг...

ХОЛОД — ДРУГ, А СОЛНЦЕ — ВРАГ

Решили заморозить пльвун. Легко сказать: «решили». Заморозить многие кубометры грунта — задача не простая. Для этого прежде всего забивают в землю замораживающие колонки. Рядом собирают «станцию холода». И вот от каждой колонки мороз начи-

нает наступление на врага. Шаг за шагом, метр за метром сковывает он предательские породы. На холоде пльвун становится монолитом и уже не шевельнется.

Побежден пльвун, — спасены дома. Можно двигаться дальше.

КТО СТРОИТ МЕТРО

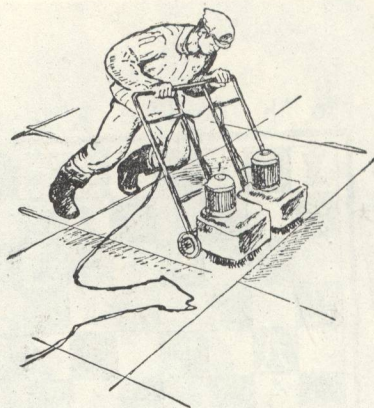
В феврале, когда мы были на строительстве, мы долго сидели в красном уголке, знакомились, разговаривали с метростроителями. Один за другим поднимались из шахты москвичи — «профессора» подземных работ, их ученики ленинградцы и киевляне, вологодцы, сибиряки и дальневосточники. Всех их объединял теперь один коллектив.

По-разному складывается у них жизнь. В бригаде Александра Мурашова — скоро два события сразу: один член бригады защищает диплом техника, а второй кончает десятый класс вечерней школы. И при этом десятиклассник работает заместителем секре-

таря комитета комсомола, кандидатом в члены Ленинградского Обкома комсомола и редактирует юмористическую газету «Крокодил» в общежитии.

Когда гости с удивлением спросили Николая Куликова, как он все успевает, молодой проходчик только пожал плечами и ответил шуткой, — дескать, в сутках больше двадцати четырех часов.

Отличных людей воспитывает метрострой. Мы познакомились с начальником участка Юрием Александровичем Шибяевым. Ему тридцать пять лет, но он «старый» метростровец. Двадцать лет назад пришел он на первую пробную шахту ленинградского

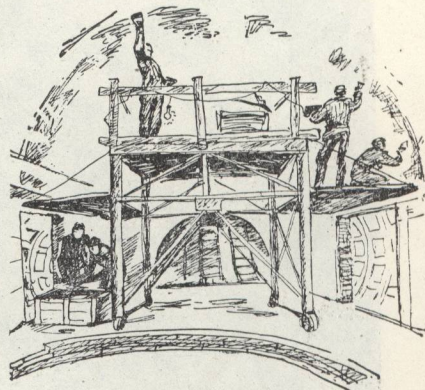

Такой машиной шлифуют пол.

А весной, чуть пригрело солнце, ледяные глыбы начали таять. Потекла броня. Скорее на нее шубу из соломы, опилок. Шуба не только тепло, но и холод хранит. Целое лето стоит ледяная броня. Простояла бы и дольше, да не потребовалось. Закончили тоннель.

метро. Пришел без специальности, был разнорабочим. Здесь, на метро, Шибяев стал специалистом. Учился в школе, кончил техникум, потом — институт. Сейчас он инженер, начальник самого ответственного участка.

А разве он исключение?

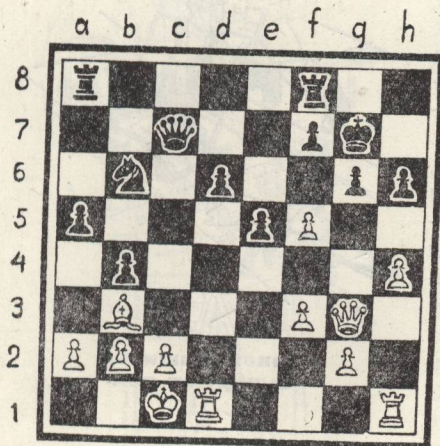

Штукатуры работают на передвижных лесах.

Но вот за разговорами мы и не заметили, как доехали до станции: «Площадь Ленина», рядом Финляндский вокзал. Как раз то, что нам нужно. Смотри на часы.

До отхода поезда еще десять минут. Успели!

ШАХМАТЫ

— Шахматная позиция! Откуда она? — спросил Кадрик.

— Из матча Москва—Ленинград,— ответил гроссмейстер Виктор Корчной.

РАЗГОВОР ГРОССМЕЙСТЕРА КОРЧНОГО С КАДРИКОМ НЕЧАЯННО ЗАПИСАЛ РЕДАКЦИОННЫЙ МАГНИТОФОН, И ХОРОШО, ЧТО ЗАПИСАЛ, ЧИТАЙТЕ. ВСЁ, ЧТО ГОВОРИТ КАДРИК, НАБРАНО *вот таким ШРИФТОМ.*

— Ленинградский мастер Черепков играл белыми, а московский гроссмейстер Авербах черными.

Они сделали по двадцать одному ходу, и получилась эта позиция.

— А что было дальше?

— Слон Черепкова забрал черную пешку f7.

— Виктор Львович, слон ведь дорожке пешки. Зачем же мастер Черепков его отдает?

— Погоди немного. Видишь, черные не могут бить слона ни ладьей, ни королем. Иначе белый ферзь возьмет пешку g6 и при этом даст шах. И белые быстро выиграют. Чем же брать слона, Кадрик?

— Наверно уж ферзем.

— Разумеется. Черные так и сделали. Но белая ладья берет пешку d6. Черный конь в опасности.

— Его нужно убрать?

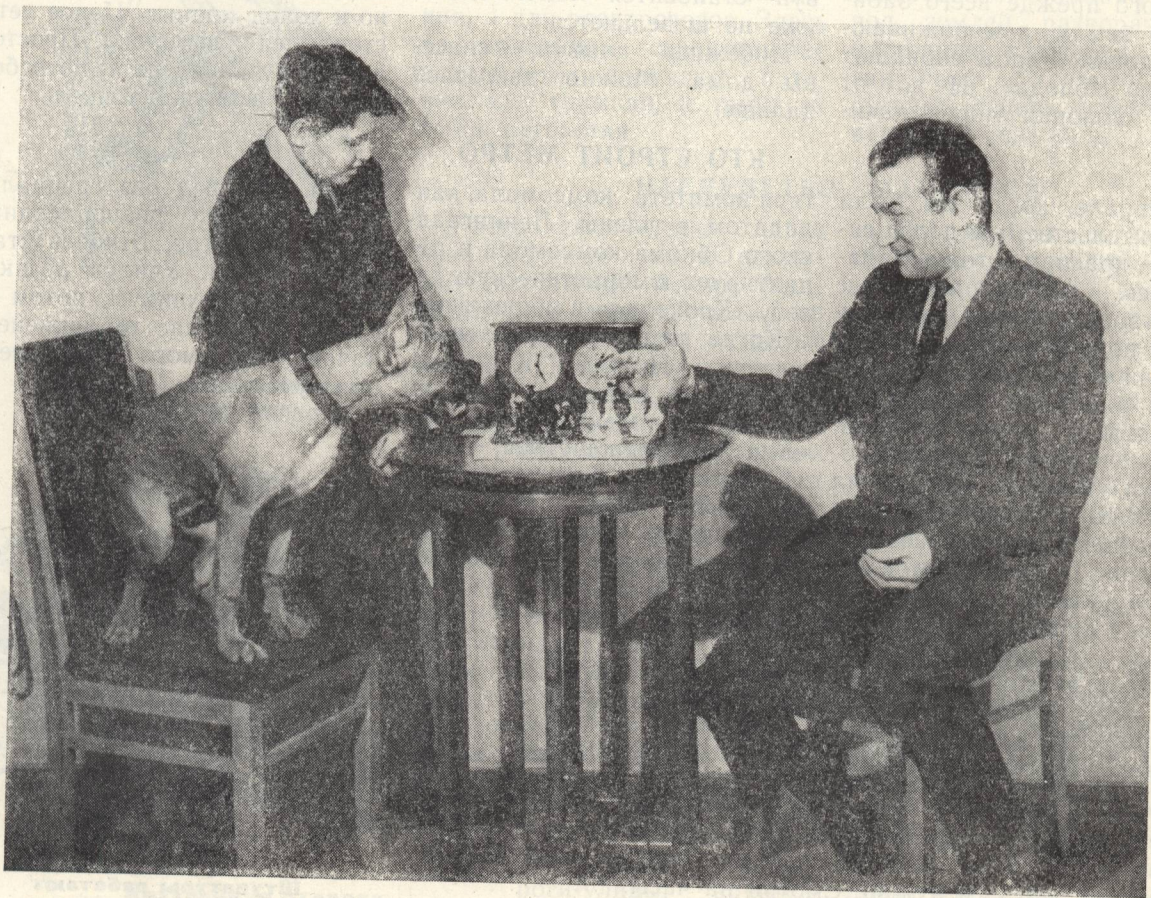
— Конь уходит на c4. Белая ладья берет вторую пешку — g6. Шах! Король черных уходит на h7.

— Значит, черные спаслись и у них лишняя фигура?

— Не торопись, Кадрик. Белые делают свой самый трудный ход. Ферзь движется вперед, на g5. Побить ферзя пешкой черные не могут, потому что белые побьют пешку пешкой и этим же ходом дадут мат. Черные сдались.

— Вот здорово! А еще кто как играл в матче? Расскажите, Виктор Львович!

— Играли на сорока досках, долго рассказывать. Победили ленинградцы с перевесом в одно очко. Кстати, эта встреча одиннадцатая. Шесть матчей выиграли ленинградцы, три — москвичи, две ничьих.

В редакции гроссмейстер Корчной согласился сыграть партию с Кадриком. Конечно, не обошлось без Объектива.

— Как же все-таки ленинградцы выиграли? В Москве такие сильные шахматисты!

— Да, на этот раз за Москву играли Ботвинник, Смыслов, Петросян, Бронштейн, Авербах, Котов, Флор, чемпионка мира Быкова. Первые десять наших противников были очень сильны. Зато все увидели, что в Ленинграде лучше учат молодых шахматистов, ленинградцы организованнее, дружнее. Поэтому мы и победили.

— А это что за фотография?

— Это Михаил Моисеевич Ботвинник во время матча Москва—Ленинград. Он играет со мной.

— Виктор Львович, пожалуйста, я вас очень прошу, поучите меня играть в шахматы. Ну хоть немножко, а то я часто проигрываю.

— Видишь ли, Кадрик, чтобы научиться хорошо играть, нужно очень много времени. За один раз не научишься. Ты пойдь в Дом пионеров, запишись в шахматную секцию. Все ребята так делают.

— Ладно. А сейчас расскажите что-нибудь про шахматы.

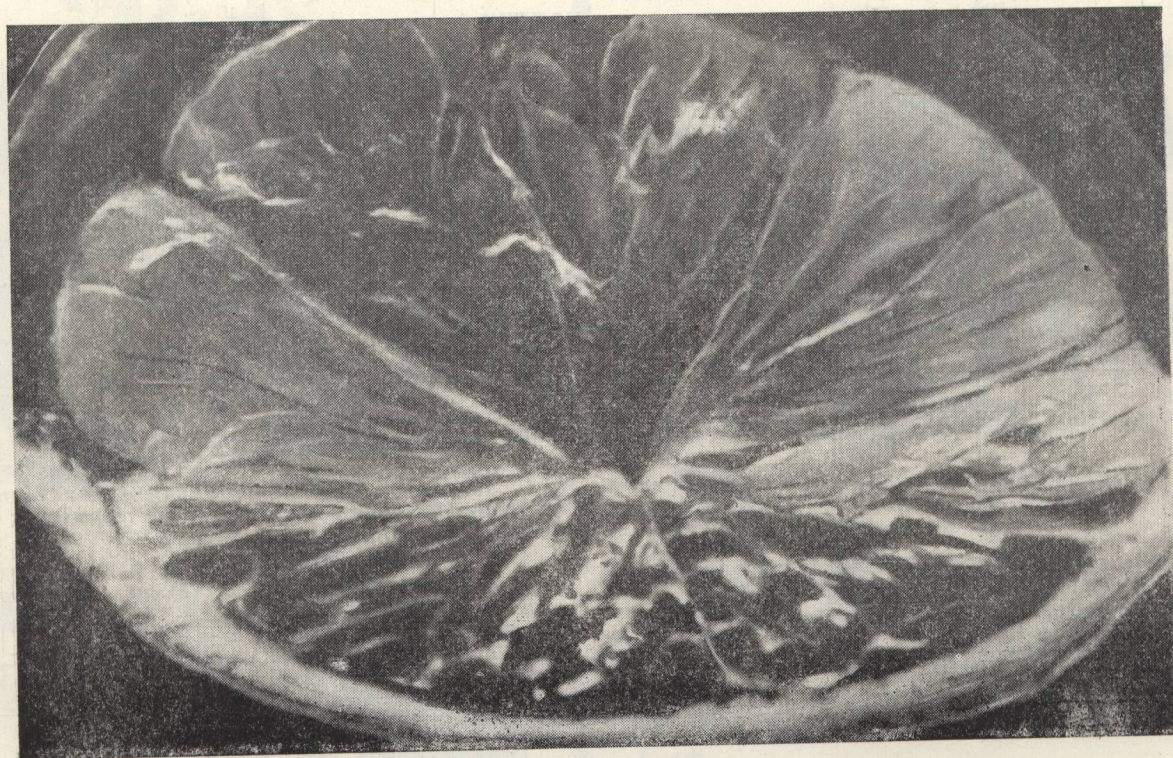
ТУТ МЫ ТОЖЕ СТАЛИ ПРОСИТЬ ГРОССМЕЙСТЕРА КОРЧНОГО, ЧТОБЫ ОН ЧТО-НИБУДЬ РАССКАЗАЛ.

— Хорошо, но только в следующий раз, — ответил гроссмейстер. — Обещаю.

Он попросился и вышел из редакции, а Кадрик побежал его провожать.

ФОТОЗАГАДКА КАДРИКА

РЕБЯТА, ПРОЧИТЕ ЭТОТ РЕБУС!
 Читайте слева направо, как книгу. Некоторые рисунки движутся справа налево. Их значение отнимайте от того, что получается.
 Пишите, я скоро вернусь. Гриша Каневский с острова Сахалин, ты почему так долго не пишешь?

КАДРИК

Как-то на званом обеде начался спор. Гости никак не могли его решить и обратились к Крылову. Над столом висела большая хрустальная люстра с подвесками. Указывая на подвеску, Крылов спросил одного из гостей:

— По-вашему, эта подвеска какого цвета?
 — Зеленого.
 — А по-вашему?
 — Синего, — ответил другой гость.
 — А по-вашему?
 — Красного.
 — Вы смотрите на дело с разных сторон, как на эту подвеску, — сказал Крылов, — потому вы и не можете сговориться.

* * *

Баснописец Иван Андреевич Крылов переехал на другую квартиру. Хозяин дома составил договор о том, что если по вине Крылова дом сгорит, то Крылов обязан уплатить хозяину пятнадцать тысяч рублей.

Крылов прочел договор и молча приписал к указанной цифре два нуля.

— Как, полтора миллиона? — ахнул пораженный хозяин.

— Ну да, — спокойно сказал Крылов. — Для вас это гораздо лучше, а для меня все равно: я не могу уплатить ни того, ни другого.

* * *

Крылов был толст. Однажды на гулянии ему повстречались два молодых франта, один из которых довольно громко заметил:

— Вон туча идет.

Крылов немедленно отозвался:
 — То-то и лягушки заквакали.

Редактор Г. М. Чернякова

Редакционная коллегия: В. М. Конашевич, Н. С. Косарева, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев, Т. Н. Приставко, Е. В. Серова, Н. В. Терехинская (ответственный секретарь), В. В. Торопыгин (заместитель редактора), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза.

Художник-редактор

Ю. П. Мезерницкий

Корректор В. Г. Любичкая

Технический редактор

А. А. Двораковская

Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А-4-57-76.

М-37175.

Тираж 240 000 экз.

Подписано к печати 11/IV 1961 г.

Формат 84×108^{1/16}.

Заказ № 2270.

Печ. л. 8+2 вкл.

6,98 усл. печ. л.

8,8 уч.-изд. л.

Цена 25 к.

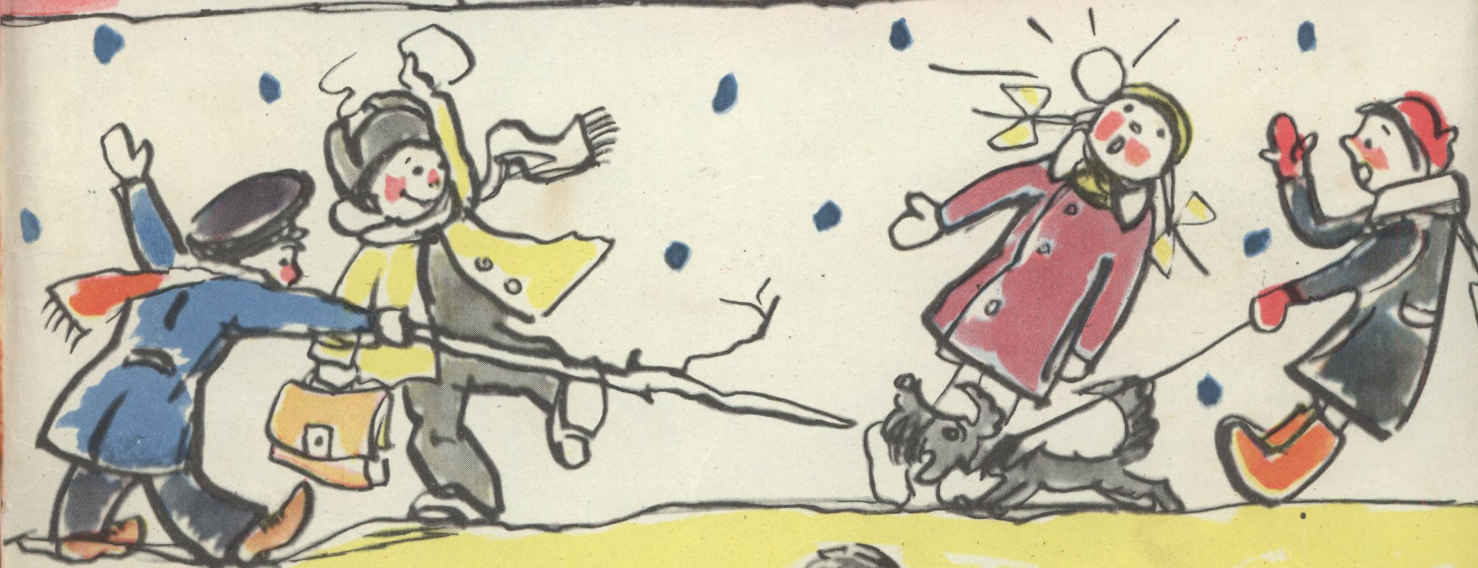
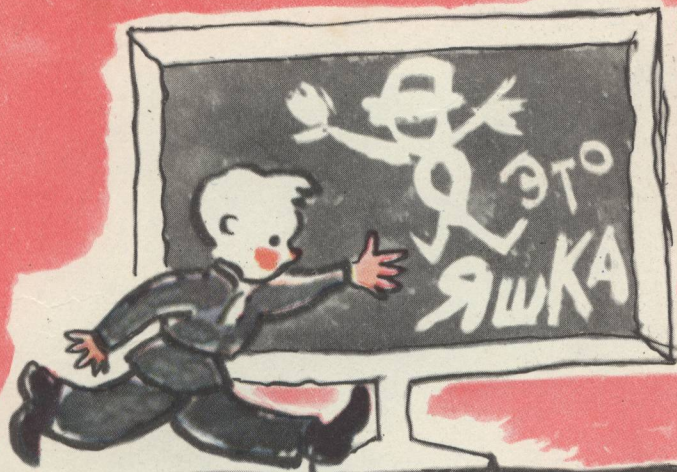
Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза. Ленинград, Измайловский пр., 29.
 Обложка и вкладки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати.

В нашем третьем классе все мальчики против всех девочек

Рисунок В. Голявкина

Из письма Веры Григорьевой,
Красненская школа Липецкой области

ПАРАД ПИОНЕРОВ НА ДВОРЦОВОЙ ПЛОЩАДИ

Фото Б. Ритова